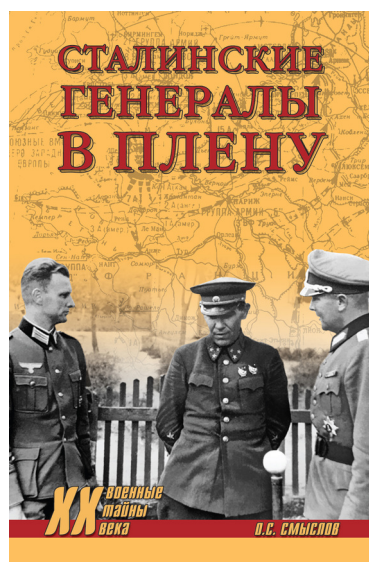

Олег Смыслов

Сталинские генералы в плену

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78

Смыслов О. С.

Сталинские генералы в плену / О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Военные тайны XX века)

Новая книга О.С. Смыслова продолжает рассказ о самой трагичной стороне войны – плене. Теперь объектом исследования стали судьбы генералов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, оказавшихся в годы войны в немецком плену. На страницах книги рисуются тяжелейшие испытания, выпавшие на долю попавших в плен генералов, анализируется их поведение в плену и дается оценка тем или иным действиям.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78

© Смыслов О. С., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Сергеевич Смыслов

Сталинские генералы в плену

© Смыслов О.С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

От автора

Доктор исторических наук, профессор, полковник Ф.Д. Свердлов (участник войны, автор 20 книг и более 300 статей по теории, тактике и истории военного искусства) был первым военным историком, который написал книгу «Советские генералы в плену». Она вышла в издательстве фонда «Холокост» в 1999 году. Несмотря на многие достоинства этой работы, у Федора Давыдовича названо 77 генералов, а также учтен генерал-майор М.М. Шаповалов, который попал в плен полковником, а генеральское звание ему было присвоено позже – 1 октября 1942 года. Кроме того, у Ф.Д. Свердлова есть и другие неточности. Впоследствии в печати не однажды появлялись на эту тему статьи, где можно встретить самое разное количество советских генералов, попавших в немецкий плен. При этом вместе с фактическими генералами их авторы причисляют к ним и лиц высшего политического состава Красной армии, а также не аттестованных на это звание комбригов и комдива. Кроме того в этих статьях нередко присутствуют надуманные, не проверенные и не уточненные факты.

Именно по этой причине была написана эта книга (всего лишь попытка исследования), где речь пойдет, прежде всего, о тех, кто на момент своего пленения имел воинское звание «генерал-майор» и «генерал-лейтенант» (как известно, «генерал-полковники» и «генералы армии», не говоря уже о маршалах, в плен в годы Великой Отечественной войны не попали). Основными источниками для нее явились не только научные книги, мемуары, статьи, публикации, различные биографические справочники, но и самые разные архивные документы, которые, вне всяких сомнений, помогли автору более или менее объективно рассказать о каждом из 75 советских генералов, оказавшихся в немецком плену.

Глава первая

Генералы Красной Армии

1

7 мая 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной армии были введены новые воинские звания высшего командного состава: для общевойсковых командиров – генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал армии и Маршал Советского Союза; для командиров родов войск (артиллерии, авиации, танковых войск, войск связи, инженерных и технических войск) – генерал-майор, генерал-лейтенант и генерал-полковник с добавлением к ним названия рода войск, а для интендантов – с добавлением слов «интендантской службы».

И.В. Сталину проект новых воинских званий был представлен наркомом обороны К. Ворошиловым 17 марта. В нем, в частности, говорилось: «...При обсуждении этого вопроса с заместителями мы пришли к выводу о необходимости принятия в нашей армии такого же количества генеральских чинов, как это было в царской армии и имеет место в ряде европейских армий – германской, французской, английской. В данное время мы имеем военных званий, равных генеральским, 5 (комбриг, комдив, комкор, командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга). Целесообразно военные звания комдив и комкор объединить в одном звании генерал-лейтенант, а военные звания командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга также объединить в одном звании генерал пехоты (артиллерии, кавалерии, авиации, танковых войск и т. д.). Следующее высшее военное звание в Красной армии – Маршал Советского Союза, что соответствует такому же чину в иностранных буржуазных армиях. Полагаем, что добавлять какие-либо другие военные звания выше маршала нет надобности. Прошу рассмотреть и утвердить...»

Соответствующий документ, а именно проект Постановления Совета народных комиссаров, подписанный вождем, появился на свет уже 11 апреля, однако он не был введен в действие. Вполне возможно, что И. Сталин решил еще раз проверить реакцию высшего командного состава на предстоящее введение новых военных званий. Тем не менее в нем мы можем найти ответ, для чего все это делалось: «Существующие воинские звания высшего командного состава Красной армии – комбриг, комдив, командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга – являются по существу сокращенными наименованиями соответствующих высших должностей в армии. При обращении по службе военнослужащих друг к другу и в особенности в боевых приказах и донесениях существующие воинские звания высшего командного состава вызывают на практике значительные неудобства. Так, например, командира дивизии в звании комбрига часто именуют не комбригом, а комдивом, а командующего армией в звании комдива или комкора – именуют командармом и т. п.».

Словом, небольшой опыт показал, что такое смешение воинских званий и должностей необходимо устранить, что и было сделано 7 мая...

Как видно из вышеупомянутых дат, долго спорить и дискутировать не пришлось. Последнее слово всегда оставалось за товарищем Сталиным, а он, как известно, отличался умом, сообразительностью и даже вкусом. Именно так в Советском Союзе были впервые введены генеральские звания, правда, пока только для командного состава. Военно-политический, военно-технический, военно-медицинский, военно-ветеринарный, юридический, административный и интендантский начальствующий состав сохранял свои прежние звания, к изменению которых подберутся аж к 1943 году. Но первыми из них станут полноцен-

ными генералами, конечно же, военно-политические работники. Это случится осенью 1942 года, когда Сталин наконец-таки упразднит давно отживший себя институт военных комиссаров.

Примечательно, что заняться вопросом генеральских званий, фактически заменивших персональные военные звания (до этого существовали категории начальствующего состава по должностям (13 категорий)), введенные постановлением ЦИК и СНК СССР 22 сентября 1935 года, подсказала война с Финляндией. Банальное совпадение военных званий высшего командного состава с наименованиями должностей, как оказалось, вносило большую путаницу в систему управления войсками. На состоявшемся в середине апреля 1940 года (14–17) совещании по обобщению опыта советско-финляндской войны И. Сталин прямо спросил высших командиров: «Надо ли восстановить звание генерала?» И все участники совещания, чуть ли не хором, ответили вождю, что это сделать необходимо. Тогда по итогам совещания была и составлена соответствующая таблица, включающая в себя все намеченные и существующие звания. А на следующий день после Указа Президиума Верховного Совета СССР, то есть 8 мая, на основании его был объявлен приказ наркома обороны СССР № 112, о введении для высшего командного состава генеральских званий.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР для генералов Красной армии устанавливалась и соответствующая форма одежды: парадная, повседневная и походная. По тем временам, все было очень просто, без всяких изысков. К парадным предметам форменной одежды относились: парадная фуражка (зимой – папах), парадная шинель, мундир, брюки в сапоги (для строя) или навыпуск (вне строя), сапоги (для строя) или ботинки (вне строя), перчатки, пояс и шашка на поясной портупее. К предметам повседневной одежды: фуражка, папах, шинель, китель цвета хаки или белый (вне строя), брюки в сапоги или навыпуск, сапоги или ботинки, строевое снаряжение и перчатки. При этом повседневная фуражка, папах, шинель, китель цвета хаки, брюки в сапоги, сапоги и походное снаряжение являлись предметами походной одежды.

Несмотря на простоту новой генеральской одежды, все же она заметно отличалась от форменной одежды среднего и старшего командного звена. Например, фуражка, мундир и китель изготавливались из мериносовой ткани. Сапоги и ботинки – из черного шевро. Поясной ремень – из коричневой шорно-седельной кожи. Были и другие существенные отличия. Например, лампасы, металлические звездочки на петлицах от двух до пяти, вышитые звезды и угольники из широкого золотистого галуна на рукавах, пуговицы с гербом СССР, кокарда на головном уборе и золотистый ремешок на фуражке. Были и другие заметные отличия. Словом, генерал должен был внешне в полной мере соответствовать своему высокому воинскому званию и своему предназначению.

2

Особый статус у членов семей военнослужащих РККА появился в 30-е годы, когда кроме денежного содержания главы семьи пользовались достаточно хорошим продуктовым пайком. Он выдавался абсолютно бесплатно и даже во времена так называемого голодомора 1932–1933 годов. Туда входили жиры, мясо, рыба, что, собственно, в открытой продаже найти было практически невозможно. Кроме того, в Красной армии повсеместно были созданы закрытые военные кооперативы, благодаря которым армия не просто выживала, но и занималась вопросами боевой подготовки. Безусловно, высший командный состав Красной армии всегда находился в более привилегированном положении, однако в те времена эта разница (по всем параметрам) была еще не так велика, как впоследствии. Например, с 1939 года оклад командира взвода составлял 625 рублей, а командира полка – 1200. Тогда как командир дивизии получал 1600 рублей, а командир корпуса – все 2000. Помимо этого всем

военнослужащим полагался и ряд других выплат. Это могли быть подъемные и лагерные деньги. С началом войны к окладам добавились так называемые полевые деньги, которые примерно на четверть увеличивали денежное содержание того военнослужащего, кто находился в составе действующей армии. К слову сказать, среднемесячная зарплата рабочего в 30-е годы доходила до 200 рублей в месяц, мелкого служащего – до 180, врача – 400, литературного работника – 500. Зато оплата труда ответственных работников и специалистов превышала 1500–5000 руб. в месяц. Правда, отдельные советские писатели получали поистине фантастические суммы. Так, доход 39 «инженеров человеческих душ» колебался от 2000 до 5000 рублей. У 11 – от 6000 до 10 000. И, наконец, у 14 особо выдающихся превышал все 10 тысяч рублей. При этом вполне обычный костюм стоил 800 рублей, хорошие туфли – 200–300, а всего метр драповой ткани – 100.

В годы войны материальное положение начальствующего состава Красной армии менялось не сразу. Например, в 1941 году всему начсоставу гвардейских частей был установлен полуторный оклад (для сравнения: бойцам – двойной оклад денежного содержания), но только в январе 1942 г. Государственный Комитет Обороны своим постановлением повысил оклады содержания командирам и комиссарам дивизий, бригад и полков. Теперь командиры и военные комиссары дивизий получали от 1600 до 2200 рублей в месяц, а командиры и военные комиссары бригад – от 1600 до 2000.

Впервые с начала войны новые оклады содержания по должностям руководящего начсостава фронтов, округов, армий и центральных управлений НКО были изменены с 1 мая 1943 года. Теперь командующий войсками фронта получал 4000 рублей, а командующий армией – 3200. Первый заместитель командующего войсками фронта получал 3400, а заместитель командующего армией – 2600. Начальник штаба фронта получал 3200, а начальник штаба армии – 2600. Помимо всего прочего на фронте прочно работала система Военторга, которая тогда представляла собой достаточно крупную структуру. Как подчеркивает В.С. Пирог, его «авангард составляли автолавки, работающие непосредственно с частями передней линии. Ассортимент автолавок и цены были строго регламентированы. Так, например, к 1944 году ассортиментный минимум состоял из следующих наименований: “открытки, конверты с бумагой, карандаши, зубной порошок и зубные щетки, кисти и лезвия для бритвы, расчески, гребенки, зеркала карманные, нитки, иголки, крючки, петлицы и пуговицы, кисеты, трубки и мундштуки, погоны, звездочки и эмблемы”. В целом же к 1944 году на фронте работало более 600 таких автолавок».

Существовала в те годы и система подарков, которые передавал тыл. Безусловно, в зависимости от должности эти подарки отличались, прежде всего, количеством и своей значимостью. Так, накануне Нового, 1942 года командующий 20-й армией генерал А.А. Власов в соответствии с приказом Военного совета Западного фронта получил на руки посылку-подарок со следующим ассортиментом: икра – 0,5 кг, балык – 1 кг, шоколадный набор – 5 коробок, шоколад – 5 плиток, какао – 2 банки, вино – 1 бутылка, яблоки – 2 кг, коньяк – 6 флаконов, лимоны в сахаре – 1 банка, папиросы – 10 коробок, мыло туалетное – 2 куса, паста зубная – 2 тюбика, одеколон – 1 флакон, белье простое – 2 пары, белье шелковое – 1 пара, свитер – 1 штука, носки шерстяные – 2 пары. Но и этот подарок был не единственным. Как сообщал своей законной жене А.А. Власов 15 января 1942 года: «Я сейчас одет очень тепло и сшил себе полностью все что у меня было во Львове. Вообще о мне не беспокойся. Нужно тебе сказать, что о нас заботится вся страна. Представь себе, я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого отечества посылки на свое имя. Люди, зная меня только по газетам, шлют нам продукты, теплые вещи и вообще крепко заботятся о нас. Вот, например, вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино. При такой заботе трудно жить плохо. Поэтому ничего мне не шли, все у меня есть». Следующие строки генерала (6 февраля) еще раз подтверждают его

вполне благополучное положение на фронте: «Я тебе вышлю на днях новый аттестат на 2500 рублей. Пиши, как его получишь, а то мне денег и этих хватает с излишком. У нас, кроме еды, их тратить некуда».

Весной 1943 года вышло очередное постановление СНК СССР за № 462, в котором говорилось об обеспечении семей генералов и лиц старшего начсостава РККА, умерших, погибших и пропавших на фронте без вести. Согласно документу, женам офицеров и генералов за погибших мужей полагались единовременные пособия. Например, если в семье военнослужащих не было нетрудоспособных, то это 50 000 руб. для жен генералов и 10 000 для жен старшего начсостава.

При наличии одного нетрудоспособного: женам генералов – 75 000, женам старшего начсостава – 15 000. При наличии в семье двух и более нетрудоспособных, соответственно: 100 000 и 20 000.

Уж е после Победы, когда началась массовая демобилизация, генералы и старший состав, прослужившие в армии 25 и более лет, могли получить ссуду на проведение индивидуального жилищного и дачного строительства. Так, генералы получали такую ссуду в размере 35 тыс. рублей, а старшие офицеры – всего 20 тыс. со сроком погашения в 10 лет.

3

До сих пор можно встретить утверждения, что политические репрессии 30-х годов оказали достаточно серьезное влияние на некомплект и подготовку командного состава РККА перед войной. Однако согласно некоторым, и вполне объективным, исследованиям, «вред, нанесенный репрессиями, заключается не в снижении уровня подготовленности кадров, их некомплекте и недостатке опыта прохождения службы в соответствующих должностях, а в нагнетании атмосферы страха и неуверенности среди командного состава», – считает Г.И. Герасимов. Если в 1937 году было репрессировано 8 % списочной численности начсостава, а в 1938-м 2,5 % начсостава, то некомплект начсостава в эти же годы достигал 34 тыс. и 39 тыс. Доля же репрессированных в некомплекте начсостава составляла 32 % и 11 %. Объяснение вполне простое: Красная армия была самой насыщенной по количеству начальствующего состава, и «если бы доля начсостава в РККА была на уровне немецкой армии, польской или любой другой европейской армии, то в ней, несмотря на огромный некомплект по действующим штатам, существовал бы переизбыток офицеров». Все тот же автор констатирует: «Если в 1939 году на 1-го офицера РККА приходилось 6 рядовых, то в вермахте – 29, в английской армии – 15, в французской – 22, японской – 196». Советская насыщенность начсоставом объяснялась просто: в его состав «входили такие категории военнослужащих, которых не было в других армиях, например, политработники».

Г.И. Герасимов совершенно правильно называет «некомплект» искусственным, в основе которого лежал не недостаток офицерских кадров, а излишнее количество штатных должностей. В Красной армии роль унтер-офицерского состава по-прежнему продолжал выполнять средний комсостав или младшие офицеры. Отсюда его многочисленность.

Не выдерживает критики влияние репрессий на боеспособность Красной армии из-за связанных с этим перемещений по службе. Например, в 1937 году продвижение по службе получило 23,8 % начсостава, в 1938 году – 59,9 %, в 1939 году – 55,4 %. Но этот рост был связан, прежде всего, с огромным количеством молодых офицеров, выпущенных в войска из училищ и курсов.

Чтобы было понятно несведущим, поясним: с 1921 по 1924 год Красную армию сократили с 5,5 млн до 565 тыс. человек. С 1924 по 1925 год была проведена военная реформа, результатом которой стал переход к смешанной территориально-кадровой политике комплектования. Только в 1936 году в СССР вновь вернулись к кадровой системе. Уж е к 1938

году численность РККА довели до 1,5 млн человек, а к 1941 году – до 4,2 млн. Сам по себе размах организационных мероприятий был фантастически огромен и неповоротлив. Отсюда столь массовое выдвижение комсостава. Кстати сказать, маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах в качестве основной причины недостатка квалифицированных кадров накануне войны называл именно огромные организационные мероприятия.

Что же касается уровня образования начсостава Красной армии, то, по утверждению Г.И. Герасимова, репрессии не могли наложить на них своего отпечатка из-за незначительности их масштабов. В частности, он подчеркивает: «Некоторое падение доли офицеров, имеющих среднее военное образование, в 1938–1939 гг. объясняется не репрессиями, а значительным притоком в армию офицеров из запаса, из сверхсрочников, и, особенно, офицеров, окончивших курсы младших лейтенантов. В то же время в предвоенные годы наблюдается устойчивая тенденция к увеличению процента офицеров, имеющих академическое образование. В 1941 году этот процент был наивысшим за весь межвоенный период и равнялся 7,1 %. До репрессий, в 1936 году эта цифра составляла 6,6. Проведенные расчеты показывают, что в период репрессий наблюдался устойчивый рост количества начсостава, имеющего среднее и высшее военное образование. Так, академическое образование в 1936 году имело 13 тыс. лиц начсостава, в 1939 году – после фактического окончания репрессий – 23 тыс., в 1941 году – 28 тыс. офицеров. Военное образование в объеме военной школы имело соответственно – 125, 156 и 206 тыс. военнослужащих».

К 1941 году уровень военного образования комсостава был восстановлен. За счет широкого развертывания военно-учебных заведений количество командиров с высшим и средним образованием значительно возросло. Однако поступление в армию офицеров с краткосрочной подготовкой, доля которых к началу войны достигала аж 39 %, действительно могло оказать свое негативное влияние на общий уровень подготовки командного состава РККА в целом.

Примечательно, что вопреки репрессиям уровень образования советского генералитета вырос. И этот фактор вполне объективен: «В первой половине 30-х гг. доля лиц этой категории, имеющих высшее военное образование, колебалась от 30 до 40 %. Перед началом репрессий 29 % имело академическое образование, в 1938 году их было уже 38 %, а в 1941 году – 52 % военачальников имело высшее военное образование».

Г.И. Герасимов в пользу этой версии приводит следующие аргументы: «Например, в пик репрессий, с 1 мая 1937 года по 15 апреля 1938 года, из 3-х арестованных заместителей Наркома обороны ни один не имел академического образования, 2 из назначенных его имели. Из командующих войсками округов арестовано 3 “академика”, назначено – 8; заместители командующих округами: соответственно арестовано 4 с высшим военным образованием, назначено – 6; начальники штабов округов – арестованные не имели академического образования, 4 из 10 назначенных его имели; командиры корпусов арестовано 12 с высшим военным образованием, назначено 19; начальники штабов корпусов – арестовано 14 “академиков”, назначено 22. И так по всем должностям, за исключением командиров дивизий. 33 арестованных комдивов имели академическое образование, а среди назначенных таких было только 27. В целом по высшему командному составу количество назначенных, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45 %. Таким образом, репрессии не снизили образовательный уровень затронутых ими категорий офицеров, они повлияли на уровень образования старших и средних офицеров, которые выдвигались на вышестоящие должности. Архивные данные свидетельствуют о том, что это были, как правило, наиболее высокоподготовленные командиры».

Что же касается опыта начальствующего состава РККА (командиры полков, дивизий и корпусов) в исполнении служебных обязанностей перед войной, то он имел наихудшие

показатели по сравнению с 1934 годом. Но опять-таки объяснение здесь простое: из-за размаха организационных мероприятий в армии.

И, наконец, что касается боевого опыта военных кадров Красной армии, то Герасимов оценивает его, «как достаточный для армии мирного времени, но значительно уступающий боевому опыту офицерского состава германского вермахта». В частности, он приводит следующие цифры: «В 1923 году доля комсостава, имеющего боевой опыт, была равна 80 %, к 1930 году она упала до 60 %, в 1934 и 1938 гг. составляла 23 %, а в 1941 году, несмотря на развертывание армии, равнялась 29,5 %. Военные конфликты второй половины 30-х годов стабилизируют долю командного и начальствующего состава армии, имевшего боевой опыт».

4

Специальная правительственная комиссия по представлению кандидатов на присвоение новых званий под председательством К.Е. Ворошилова была назначена 8 мая. В состав комиссии вошли: маршалы С.М. Буденный, Г.И. Кулик, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников, армейские комиссары 1-го ранга Е.А. Щаденко и Л.З. Мехлис, командармы 2-го ранга Н.Н. Воронов, Д.Г. Павлов, Я.В. Смушкевич, флагманы флота 2-го ранга Л.М. Галлер, И.С. Исаков, Н.Г. Кузнецов, армейский комиссар 2-го ранга И.В. Рогов, и от ЦК ВКП(б) – куратор военных кадров Г.М. Маленков.

К слову сказать, более или менее четкого соответствия прежних званий (1935 г.) новым (1940 г.) при рассмотрении комиссией К.Е. Ворошилова вопроса о присвоении генеральского звания тому или иному кандидату не было. Так, из списка генералов, подписанного комиссией 11 мая 1940 года, генерал-лейтенантами стали 11 командармов 2-го ранга, 22 комкора, 10 комдивов; генерал-майорами – 9 комдивов, 24 комбрига.

Из списка, подписанного 20 мая, генерал-лейтенантами стали 10 комкоров и 10 комдивов; генерал-майорами – 3 комкора, 62 комдива и 47 комбригов.

А через месяц результаты ее деятельности были обнародованы. Всего новые звания получили 1056 человек:

- 982 человека стали генералами;
- 74 человека адмиралами.

Из 1056 – 914 генералов в составе Наркомата обороны СССР (Сухопутные войска и Военно-Воздушные Силы); 74 адмирала и 34 генерала – в Наркомате Военно-Морского Флота (НК ВМФ); 34 генерала служили в органах НКВД. К слову сказать, для присвоения генеральских званий высшему командному составу НКВД была образована своя собственная комиссия.

Звание генерала армии было присвоено трем командующим военными округами – Г.К. Жукову (Киевский Особый), К.А. Мерецкову (Ленинградский) и И.В. Тюленеву (Московский). Звание генерал-полковника присвоили четырем командармам 2-го ранга: И.Р. Апанасенко, О.И. Городовикову, А.Д. Локтионову, Г.М. Штерну. Начальнику автобронетанкового управления Д.Г. Павлову присвоили звание генерал-полковника танковых войск, В.Д. Грендалю и Н.Н. Воронову – генерал-полковника артиллерии. Генерал-лейтенантами стали 110 человек, а более 800 (без учета НК ВМФ и НКВД) – генерал-майорами.

Кроме того, с июля по октябрь 1940 года звание генерал-майора получили еще 6 человек. В декабре 1940 года 20 бывших генералов латвийской, литовской и эстонской армий стали советскими генералами (3 генерал-лейтенантами и 17 генерал-майорами). И, наконец, в феврале 1941 года звания генерала армии было присвоено Д.Г. Павлову и И.Р. Апанасенко; генерал-полковника артиллерии – Н.Д. Яковлеву, генерал-полковника – М.П. Кирпоносу, Я.Т. Черевиченко и Ф.И. Кузнецову. 21 мая 1941 года звания высшего комсостава

получили 23 командира ВМФ (9 контр-адмиралов, 8 генерал-майоров береговой службы, 2 генерал-майора интендантской службы и 4 инженер-контр-адмирала).

Любопытную статистику по генералам Сухопутных войск приводит в материале «Первые советские генералы» А.А. Печенкин: «Боевой опыт генералов Сухопутных войск был солидным. Многие из них воевали еще в первую Мировую войну, 742 человека (почти 93 %) являлись участниками Гражданской войны. Правда, здесь следует оговориться: в Первую мировую войну они были солдатами или, в лучшем случае, унтер-офицерами. В период Гражданской войны большинство будущих генералов командовали подразделениями (взвод, рота, эскадрон) и лишь немногие – полками, бригадами и дивизиями. Эта категория участников Гражданской войны почти полностью погибла в годы ежовщины.

В советские времена сложилось мнение, что большинство красных командиров обязательно состояли в ВКП(б), а уж генералы – поголовно. Это не совсем так... партийная прослойка была значительной: это 673 генерала (84 %). Однако 134 генерала были беспартийными, т. е. каждый шестой. Социальное происхождение первых генералов также было достаточно характерным: 239 человек (почти 30 %) до службы в армии являлись рабочими, 151 (18,8 %) – крестьянами, 417 (52 %) вышли из служащих.

Важную роль в характеристике высшего комсостава Красной армии играли уровень военного образования, стаж военной службы и командный опыт, а также участие в войнах и военных конфликтах... подавляющее большинство генералов (95 %) имело командный стаж более 20 лет; только 2 % занимали командные должности менее 17 лет. Военное образование также было достаточным: 7,6 % окончили Академию Генерального штаба; почти 47 % – другие военные академии; 7,6 % окончили Высшие военные академические курсы (ВВАК) или Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС); 35,7 % обучались на Курсах усовершенствования командного состава (КУКС) и только 3 человека (0,37 %) вообще не имели военного образования, но эти трое были генералами интендантской службы.

По национальному составу советский генералитет преимущественно славянский: свыше 84 % генералов Сухопутных войск были русскими, 6,4 % – украинцами, 5 % – белорусами; евреи составляли 1,75 %, на все остальные нации приходилось менее 3 %».

Следует отметить, что не всем относящимся к высшему комсоставу Красной армии до начала Великой Отечественной войны были присвоены генеральские звания. Приблизительные подсчеты говорят о том, что таких было немало: 1 комкор, 15 комдивов, 196 комбригов. Например, комиссия К.Е. Ворошилова «выявляла» недостойных простыми фразами типа: «по своей работе и подготовке генеральского звания не заслуживает», «с руководством боем дивизии в период военных действий не справился... дивизия была в окружении... подлежит переводу на менее ответственную работу, не связанную с командованием соединением... генеральского звания не присваивать», «без перспектив на продвижение, штабс-капитан старой армии, оставить в прежнем звании», «с обязанностями справляется посредственно, оставить в прежнем звании», «частями не командовал, оставить в прежнем звании», «вопрос остается нерасмотренным».

Безусловно, генеральские звания не были присвоены, прежде всего, лицам высшего начальствующего состава из числа репрессированных. После реабилитации и возвращения в армию они оставались в своих прежних военных званиях (1935 г.) и лишь со временем рассматривался вопрос о присвоении им нового звания – генеральского.

5

За годы войны число генералов в Советском Союзе выросло не на шутку. Как подчеркивал в своем докладе И. Сталину от 18 мая 1944 г. начальник Главного управления кадров

НКО СССР генерал-полковник Ф. Голиков, «уже сейчас мы имеем почти 3 тыс. генералов (2952 чел.). Это очень серьезная цифра. В сравнении с другими армиями она будет выглядеть так: США – 1065 генералов, сухопутная армия Англии – 517 генералов, Германия – 2198 генералов (без санитарной и ветеринарной службы), Япония – 1209 генералов (данные разведывательного Управления от 25 января 1944 года).

Требования на присвоение новых и новых генеральских званий не прекращаются и не ослабевают. Особенно они велики по линии службы тыла Красной армии (в то же время они наиболее сдержаны из действующей армии и по общевойсковой линии). С точки зрения штатной нам могут предъявить требования еще на присвоение 6 тыс. генеральских званий. Это вытекает из того, что в действующих сейчас штатах военного ведомства установлено 9007 должностей, которые должны и могут замещаться лицами генеральского состава. Эта цифра в 3 раза больше количества уже имеющихся генералов. Кроме того, нужно учесть, что в целом ряде случаев центральные управления стремятся добиться генеральского звания даже тем лицам, должностное положение которых определяется категорией «Подполковник – полковник»».

Со слов документа, путь к получению генеральских званий был не особенно оригинален: «Основные центральные управления НКО представляют свои кандидатуры в СНК СССР на присвоение генеральских званий каждое самостоятельно, исходя из своего собственного критерия и своих ограниченных служебных интересов. При этом стараются избежать представления через Главное Управление Кадров НКО и избавиться от его контроля. Нагляднее всего это проявляется со стороны Управления Тыла, где ярко выражено стремление как можно больше произвести генералов и возвести их в высший ранг. Уже сейчас по службе тыла имеется 326 генералов, что составляет к общему числу 11,04 %. Это обстоятельство приводит к фактам незаслуженного присвоения генеральских званий. Так, Постановлением Совнаркома СССР от 11.5.1944 года присвоены генеральские звания 24 офицерам и генералам службы Тыла, из которых по крайней мере 6 человекам, по моему мнению, звание присвоено незаслуженно, среди них:

1. Начальник административно-хозяйственного Управления Поляков В.В. Он только 20.12.1942 г. получил звание Генерал-майора. В Красной армии прослужил всего лишь 6 лет и 5 месяцев, из которых один год рядовым, 5 лет военкомом финуправления и 5 месяцев начальником административно-хозяйственного Управления НКО. Военного образования никакого не имеет. Он с успехом мог бы и сейчас быть в звании «Полковник интендантской службы». Столь стремительного движения в званиях нет даже в Действующей армии.

2. Начальник Управления Базы Центра НКО Азизбеков А.М. в Красной армии всего лишь 8 месяцев, ни опыта, ни военного образования, ни стажа службы в армии совершенно не имеет.

3. Начальник 1 отдела Интендантского Управления Чистяков В.А. Хотя в армии он и с 1918 г., но вся его служба с 1920 г. проходила только в военно-хозяйственном управлении НКО, на канцелярских должностях, начиная с младшего делопроизводителя по положению не выше майора-подполковника, и сейчас он занимает должность не генерала, а только полковника. С 1920 г. ни одного месяца службы в войсках.

4. Начальник автомобильного Управления Белорусского округа Наберухин И.М. Ему звание полковника было присвоено только в апреле 1943 года. Будучи в окружении в 1941 году, по сообщению Управления Контрразведки «Смерш», сдался в плен румынам, порвал и выбросил партбилет. В плену подвергался допросам, после чего был освобожден и направлен на работу. При выходе из окружения неоднократно задерживался немцами и полицейскими органами. Вышел из окружения одиночным порядком, что пытается скрыть. В 1942 году во время осады Сталинграда немцами высказывал пораженческие настроения.

5. Зам. начальника вещевого управления Палеев Борис Соломонович. Вся его служба в Красной армии с 1919 г. исчерпывается четырьмя месяцами рядовым и начальником разведки батальона в 1919 г., восемью годами учебы в хозяйственных ВУЗах (с 1920–1928 г. г.) и 16 годами непрерывной службы в интендантском управлении НКО, начиная с должности мл. приемщика в г. Москве; ни одного дня службы в войсках.

6. Зам. начальника отдела кадров управления тыла Бавин И.В. Занимал и занимает должность, отнесенную к званию “Подполковник – полковник”. Имеет перерыв по службе в армии 7 лет».

В своем докладе генерал Голиков особо отмечал, что, прежде всего, в штабах и органах тыла, разного рода генералов гораздо больше, чем непосредственно в войсках: «Из 2952 генералов Красной армии – 1569 чел. (или 57,5 %) находятся в органах управления, из них 395 чел. – в Центральном аппарате НКО, 1174 – во фронтовом, окружном и армейском аппарате. В войсках же (в корпусах, дивизиях, бригадах, училищах, академиях и научно-исследовательских институтах) находится 1256 генералов (или 42,5 %). При всем значении органов управления все же необходимо установить более правильное распределение генеральского состава между аппаратом управления и между войсками. Сейчас у нас в звании “полковник” находится 276 командиров дивизий, 74 командира бригады и 67 начальников училищ. По мере их роста они войдут в состав генералов. Но даже при полной заполненности штатных должностей генералами в войсках количество генералов в управленческом аппарате остается очень большим; еще больше оно по штату».

Что же касается военной подготовки генералов на 1944 год, то со слов главного кадровика она выглядела неважно: «Очень велика цифра генералов, не имеющих никакого военного образования, – 142 чел. (4,8 % к всему составу генералов). Также очень велика цифра генералов, имеющих военное образование всего лишь в объеме военного училища (443 чел.) и курсов (769 чел.), что составляет 41,05 % (по обеим цифрам). К генеральскому составу необходимо предъявить серьезные требования в отношении собственного военного образования. В первую очередь нужно потребовать от лиц, вовсе не имеющих военного образования, подготовиться и сдать за военное училище. Для генералов, окончивших лишь военные училища и курсы, установить определенный план получения академического образования, хотя бы по сокращенной программе (в соответствии со специальностью), – для одних путем пропуска через академические курсы, для других путем самостоятельной работы над собой, для третьих – путем широкой организации в Красной армии заочного и вечернего обучения».

Исходя из вышеизложенного, генерал Голиков предлагал остановить неконтролируемый рост численности советского генералитета двумя путями:

«а) установить ориентировочную численность генералов для вооруженных сил Советского Союза, чтобы ее придерживаться;

б) основательно сократить штатно-должностное количество генералов, установленное сейчас, тем более что излишне большая численность генеральского состава отрицательно скажется на авторитете генералов».

И еще он предложил И. Сталину установить в этом вопросе самый жесткий контроль:

«Для более правильного подхода и в целях усиления контроля необходимо установить, чтобы представления к генеральским званиям шли только через Главное Управление Кадров НКО и им докладывались. Конечно, могут быть исключения, но и тогда начальник любого центрального Управления, лично докладывающий вопрос о присвоении генеральского звания, должен иметь на материале мнение Главного Управления Кадров НКО».

Теперь трудно сказать, чем руководствовался И. Сталин, когда проигнорировал доклад своего подчиненного генерала. Ибо, согласно сборнику статистических материалов «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», изданном в 1963 году, к концу войны в Советском Союзе насчитывалось уже 5625 генералов.

Что же касается упоминаемых в докладе Голикова имен шести генералов службы Тыла, которым, по его мнению, звания были присвоены незаслуженно, то и здесь вождь все оставил без изменений.

Генерал-майор интендантской службы Василий Васильевич Поляков занимал должность заместителя начальника Финансового управления Красной армии по политической части. За выслугу лет в армии был награжден орденом Ленина. А 22 августа 1944 года погиб в автомобильной катастрофе.

Генерал-майор интендантской службы Азизбеков Азиз-Мешади Оглы занимал должность начальника Управления Закавказской Базы Центра НКО. Был сыном Мешади Азизбекова, одного из расстрелянных английскими интервентами 26 бакинских комиссаров. Во время войны Азизбеков регулировал в Баку прием и отгрузку на фронт поставляемых из тыла вооружения, боеприпасов, оборудования, продовольствия. Следил за своевременным выполнением военных заказов, изыскивал новые сырьевые и продовольственные ресурсы для нужд фронта, помогая на местах решать вопросы размещения и снабжения резервных воинских частей и соединений, находящихся на территории Азербайджана. Важная персона. Несмотря на указанное в докладе Голикова отсутствие у Азизбекова военного образования и выслуги лет, был награжден орденом Красного Знамени.

Генерал-майор интендантской службы Чистяков Владимир Алексеевич в должности начальника 1-го отдела Главного интендантского управления Красной армии даже был награжден орденом Отечественной войны II степени. Правда, за что, в документах не говорится.

Генерал-майор интендантской службы Наберухин Исай Моисеевич свое звание, как известно, получил на должности начальника автомобильного Управления Белорусского округа. До этого он занимался трофейными делами. Так, будучи начальником 1-го отдела управления трофейного вооружения и имущества Красной армии, Исай Моисеевич был награжден орденом «Знак Почета». В наградном представлении написано следующее:

«Полковник и/сл. тов Наберухин Исай Моисеевич работал в управлении на должности начальника 1 отдела с 24.1.43 г. по май 1943 г.

Тов. Наберухин Исай Моисеевич, бывший начальник 1 отдела управления, своей образцовой работой и хорошим руководством в отделе обеспечивал выполнение заданий командования по руководству трофейными частями фронтов, по сбору и эвакуации с полей сражений трофейного вооружения, боеприпасов, военного имущества и металлолома.

За образцовое руководство отделом, обеспечивавшим выполнение заданий командования по эвакуации с полей бывших сражений большого количества трофейного вооружения, боеприпасов, различного военного имущества и металлолома, достоин Правительственной награды орденом «Знак Почета»...»

Генерал-майор интендантской службы Палеев Борис Соломонович тихо и мирно дослужился до заместителя начальника Главного интендантского управления Красной армии. Больше звезд с неба не схватил, прожив достаточно длинную жизнь. Он умер в 1983 году в возрасте 85 лет.

И, наконец, генерал-майор авиации Бавин Иван Федорович – заместитель начальника отдела кадров начальника тыла Красной армии. В наградном листе (20 апреля 1943 г.) на подполковника Бавина И.Ф., помощника начальника 1-го отдела Штаба тыла Красной армии указано:

«Старый командир Красной армии и работник Особых Отделов. Занимал руководящие должности в органах НКВД.

Руководит работой по вопросам учета военнопленных и спецконтингента, их обслуживания и вывода с фронтов.

Зарекомендовал себя с самой хорошей стороны, работая напряженно, несмотря на плохое состояние здоровья.

За хорошую добросовестную работу в условиях военного времени достоин награждения орденом “Красная Звезда”...»

Парадоксально, но факт: имея выслугу в армии с 1917 по 1934 и затем с 1941 года, генерал Бавин был награжден орденом Красного Знамени за 20 лет безупречной службы в Красной армии... Ну что тут скажешь?

6

Согласно официальным данным (1993 год) всего за время войны погибли, пропали без вести, умерли от болезни и по другим причинам 421 генерал и адмирал, в том числе: генерал-майоров – 344, контр-адмиралов – 7, генерал-лейтенантов – 59, вице-адмиралов – 2, генерал-полковников – 4, генералов армии – 4 и 1 маршал Советского Союза. В 2001 году официальные данные по генералам были снижены до 416. Оказывается, авторы очередного выпуска статистического исследования на этот раз исключили из списка не принимавших участия в войне генерал-полковников А. Локтионова, Г. Штерна, генерал-лейтенантов Алексеева, Арженухина, Проскурова, Птухина, Пумпура, Рычагова, Смушкевича, генерал-майоров Володина, Каюкова, Левина, репрессированных перед войной и расстрелянных в годы войны. Однако, из перечисленных имен четверо генералов (Володин, Проскуров, Птухин и Пядышев) были арестованы в начале войны, а следовательно, приняли в ней участие.

По мнению доктора исторических наук А.А. Печенкина, «военно-историческая литература и документы Российского государственного военного архива (РГВА) и Центрального архива Минобороны РФ (ЦАМО) дают основания для включения в список – в дополнение к 416 (в начале 1990-х в “Военно-историческом журнале” был опубликован список, содержащий 416 фамилий погибших во время войны советских генералов и адмиралов) – фамилий еще 42 генералов и адмиралов, погибших с 1941 по 1945 год. С учетом новых данных получается список из 458 человек».

В своей статье он приводит следующие данные: «Наибольшие боевые потери имели место в 1941 году. За шесть месяцев (22 июня – 31 декабря 1941 года) РККА лишилась 74 генералов – то есть ежемесячно теряла 12–13 представителей своего высшего состава. В первый год войны четверо генералов, оказавшись в окружении, не пожелали сдаться в плен и застрелились.

На протяжении всей войны были пленены 72 советских генерала (в основном в 1941–1942 годах). Среди военнопленных оказались несколько командармов, десятки командиров корпусов и дивизий. Подавляющее большинство из них остались верными присяге, и лишь единицы согласились сотрудничать с врагом. В немецком плену погибли 23 советских генерала.

В 1942, 1943 и 1944 годах ежемесячные боевые потери высшего командного состава РККА уменьшились более чем вдвое. Из общих потерь за весь период войны (458 человек) боевые составили 296 человек (64,6 %).

В 1941 году небоевые потери среди генералов достигали 33 человек: трое умерли от болезней, двое застрелились, один погиб в катастрофе и 27 были приговорены к расстрелу. Чудовищная цифра! Здесь надо отметить, что если из 72 пленных советских генералов в гитлеровских лагерях погиб каждый третий, то из ста арестованных НКВД – погибли почти две трети – 63 человека (47 расстреляны, шестеро умерли в тюрьме в 1942–1945 годах и еще 10 – в 1946–1953 годах).

Картина изменилась в 1943–1945 годах. Основную часть небоевых потерь уже составляли умершие от болезней. В марте 1945 года на 63-м году жизни скончался маршал Борис

Шапошников. Его участь разделили и более молодые военачальники: командующие армиями Леселидзе, Харитонов и другие генералы, едва перешагнувшие сорокалетний рубеж.

Удельный вес небоевых потерь в 1941–1943 годах колебался в пределах 27–30 %, а в 1944–1945 годах – 36–39 %. Если в начале войны было много репрессированных генералов, то к окончанию войны возросла смертность от болезней

(в 1943 году – 85 %, в 1944 году – 75 %, в 1945 году – 66,6 % небоевых потерь соответствующего года).

Самыми большими потери были в 1941 году (за шесть месяцев – 107 человек) – 18 человек ежемесячно. В 1942–1944 годах потерь стало вдвое меньше (от 8 до 9 человек в месяц).

Наибольший урон в войну понес командный состав (почти 89 %), тогда как политический – менее 2 %, технический – 2,8 %, административный – 4,6 %, медицинский – около 1 %, юридический – 0,65 %. Генералы Военно-воздушных сил (ВВС) составили 8,73 % погибших, а адмиралы и генералы ВМФ – 3,71 % общего числа потерь высших офицеров. Большие потери имели Сухопутные войска – к ним принадлежали 87,56 % погибших генералов.

Наибольшие потери понесли генерал-майоры (372 человека – то есть более 80 %). Потери среди генерал-лейтенантов составили 66 человек (около 14 %), генерал-полковников – 6 человек (1,3 %), контр-адмиралов – 7 (1,5 %). Среди маршалов, генералов армии и вице-адмиралов эта цифра менее 1 %».

Таким образом, «на алтарь Отечества, – констатирует А.А. Печенкин, – сложили свои головы четверо командующих фронтами, двое из них – в 1941 году. Всего в годы войны погибли 22 командующих армиями и восемь их заместителей, 55 командиров корпусов и 21 заместитель командира корпуса, 127 командиров дивизий и 8 командиров бригад».

В 2011 году А.А. Печенкин по поводу количества советских генералов, попавших в немецкий плен, скажет несколько иначе: «За годы войны свыше 70 генералов были пленены (подавляющее большинство – в 1941–1942 гг.)».

Несколько иные данные можно увидеть в книге «100 великих военных тайн. Вторая мировая война (1939–1945)». В ней (по материалам В. Миркикина) Н.Н. Непомнящий пишет: «В немецкий плен попали 83 (по другим данным – 72) генерала Красной армии, в основном в 1941–1942 годах. Среди военнопленных оказались несколько командармов, десятки командиров корпусов и дивизий. Подавляющее большинство из них остались верными присяге, и лишь единицы согласились сотрудничать с врагом. Из них 26 (23) человек погибли по разным причинам: расстреляны, убиты лагерной охраной, умерли от болезней».

Кстати сказать, в этой же книге говорится о том, что «последним генералом (и одним из двух генералов ВВС), захваченных немцами в плен, был генерал-майор авиации Полбин, командующий 6-м гвардейским бомбардировочным корпусом, поддерживающим деятельность 6-й армии, которая в феврале 1945 года окружила Бреслау. Он был ранен, захвачен в плен и убит. Лишь потом немцы установили личность этого человека».

Но так ли было на самом деле?

Еще в 2002 году, то есть за 6 лет до выхода книги Н.Н. Непомнящего, журнал «Щелково» напечатал небольшим тиражом книгу Героя Советского Союза Н.И. Гапеевца, военного летчика, участника войны, полковника в отставке. В ней он упоминает и о выдумках про плен генерала Полбина: «О гибели командира 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса, дважды героя Советского Союза гвардии генерал-майора Полбина Ивана Семеновича написано в книгах, статьях газет и журналов. В некоторых из них приводятся различные версии, не имеющие ничего общего с действительностью. Нам из опыта известно, как часто отсутствие точной и проверенной информации становится основой для появления всякого рода слухов и домыслов. Вот один из примеров, когда автор, пытаясь показать свою большую осведомленность о происходивших событиях, в том числе и о

гибели генерала Полбина, приводит различные домыслы, не соответствующие реальности. В Алма-Ате в 1963 году (издательство “Жазуши”) вышла книга дважды Героя Советского Союза Сергея Луганского “На глубоких виражах”, там же переизданная через три года. Есть в ней такие строки: «Генерала Полбина сбили уже в Германии. Благодаря тому, что он носил форму простого летчика, немцы его не узнали и, подобрав среди обломков самолета в беспомощном состоянии, доставили в госпиталь. Генерал очнулся и долго не мог понять, где он находится. Потом среди других пленных он узнал летчика, подозревал его и рассказал ему о себе. Летчик, к сожалению, оказался подлецом и выдал Полбина. О дальнейшей судьбе генерала рассказывают, что его голову якобы доставили Гитлеру, чтобы незадачливый диктатор хоть чем-то утешился перед бесславным концом».

Оказывается, как подчеркивает ветеран, “...приказом Главного управления кадров Министерства обороны № 02227 от 6 июля 1945 года Полбин и Зарукин считались пропавшими без вести. Ни у кого не было сомнений, что Полбин погиб во время бомбометания. Когда с подбитого зениткой самолета не удалось сбить пламя, охватившее весь фюзеляж, самолет врезался в землю и взорвался. Но получилось так, что формально Полбин числился пропавшим без вести. Говорили и писали о его последнем полете-подвиге, а в документах черным по белому было записано “не вернулся с боевого задания”. Такая же запись была сделана в документах М.К. Зарукина. То, что командир и штурман не вернулись с боевого задания – это истина, но они не пропали без вести, а погибли, и не где-нибудь, а на восточной окраине города Бреслау при выполнении боевой задачи.

Куда только не обращались мы, ветераны-полбинцы! И в Главное Управление кадров Министерства обороны, и в Центральный архив МО СССР... Всюду находились чуткие и отзывчивые люди, помогавшие добиться истины. Только после

того, как работники Центрального архива МО СССР обнаружили оперативную сводку штаба 2-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса за 11 февраля 1945 года, справедливость восторжествовала”». А в том документе черным по белому написано: (11 февраля 1945 года, 24.00) «8 экипажей Пе-2 под командованием командира корпуса гвардии генерал-майора Полбина в период 15.30–15.45 с высоты 1500–600 метров с пикирования с замкнутого круга бомбардировали и штурмовали войска и технику в юго-западной части Бреслау. В результате бомбардировочных действий в юго-западной части Бреслау вызвано 10 очагов пожаров.

Противодействие: в районе Бреслау группа бомбардировщиков обстреляна интенсивным огнем 4 батарей СЗА и 5 батарей МЗА.

При бомбардировании групп методом пикирования с замкнутого круга на четвертом заходе на цель, прямым попаданием снаряда СЗА подожжен самолет, пилотируемый гвардии генерал-майором Полбиным с главным штурманом 2-го гвардейского бак гвардии подполковником М.К. Зарукиным, флагманским стрелком-радистом гвардии старшиной В.С. Орловым.

При попытке сорвать пламя у самолета отвалилось хвостовое оперение. Горящий самолет упал на восточной окраине Бреслау и взорвался. Из состава экипажа один человек выбросился на парашюте.

В 1 самолете Пе-2 81-го гв. бап (летчик гвардии лейтенант П.И. Носков) над целью огнем ЗА был подбит правый мотор и повреждена плоскость. В районе Бриг загорелся правый мотор и центральный бензобак. После посадки на аэродром самолет сгорел. Экипаж невредим. Группу прикрывали непосредственным сопровождением с аэродрома Бриг до цели и обратно по 4–8 Як-3 и Як-9 на группу. Погода в районе базирования 9 баллов на высоте 2500–3000 метров, в районе цели – 3–4 балла на высоте 2000–4000 метров». Сводку подписали начальник штаба 2-го гвардейского авиакорпуса генерал-майор Качев и начальник оперативно-разведывательного отдела майор Гуменюк.

Таким образом, дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации И.С. Полбин (1905–1945) погиб в небе над городом Бреслау. Как говорится, других мнений здесь быть просто не может.

Глава вторая

В Белостокско-Минском сражении и после

1

22 июня 1941 года по предложению наркома обороны маршала С.К. Тимошенко Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы в Северо-Западный, Западный и Юго-Западные фронты. А буквально через два дня были созданы Северный и Южный фронты... Однако никто в те дни из высшего военного руководства и высшего руководства страны еще не знал размеров уже случившейся катастрофы... Д.А. Волкогонов совершенно точно передает в своей книге о Сталине этот факт: «Ватутин два или три раза привозил в Кремль оперативную карту. На ней цветными карандашами были тщательно нанесены районы расположения наших армий, корпусов, места базирования авиации, направления выдвижения резервных соединений. Не было главного: где конкретно шли бои, где находился противник, каков был характер действий советских войск. В Кремле еще не представляли, что немецкие войска смогли нарушить, а на

Западном фронте почти полностью парализовать управление и связь. Генерал армии Павлов уже через несколько часов после начала вторжения потерял нити управления войсками своего фронта».

По авторитетному мнению доктора исторических наук В.А. Анфилова, «о положении войск приграничных округов к началу вторжения немцев убедительно свидетельствует журнал боевых действий Западного фронта: “22 июня 1941 г. около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии. Примерно в 2 часа – 2 часа 30 минут аналогичное приказание было сделано шифром армиям. Частям укрепленных районов предписывалось немедленно занять укрепленные районы. (Заметим, что этого они так и не успели сделать.) По сигналу «Гроза» вводился в действие «Красный пакет», в котором находился план прикрытия государственной границы. Шифровки штаба округа штабами армий были получены слишком поздно. 3-я и 4-я армии успели расшифровать их и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала это распоряжение уже после начала военных действий”.

Получив с трудом некоторые сведения о нападении немцев из штабов армий, Военный совет Западного фронта отдал войскам следующий приказ: “Командующим 3-й, 10-й и 4-й армиями. Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому.

Павлов. Климовских. Фоминых”.

На документе отметка: “Отправлен 22 июня 1941 г. 5 часов 25 минут”.

Нет оснований утверждать, что этот документ дошел до исполнителей, так как ночью проводная связь была выведена из строя засланными в наш тыл диверсантами и вражеской агентурой, а радиостанции на узле связи разбиты ударами немецкой авиации. В результате этого войска Западного фронта, не управляемые вышестоящими штабами, в первые часы 22 июня самым ходом событий втягивались в сражения».

Западный фронт насчитывал в своем составе три армии. Третья под командованием генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова (4 стрелковые дивизии и механизированный корпус) занимала оборонительный рубеж в районе Гродно. Десятая под командованием генерал-майора К.Д. Голубева (2 стрелковых, 2 механизированных корпуса и 1 кавалерийский) распола-

глась в Белостокском выступе. Четвертая под командованием генерал-майора А.А. Коробкова (7 дивизий) прикрывала район Бреста. Но это первый эшелон. Войска же второго эшелона Западного округа, а потом и фронта еще только выдвигались к государственной границе. Накануне войны штаб 2-го стрелкового корпуса прибыл на южный фас Белостокского выступа, где должен был войти в состав новой 13-й армии (армия под командование генерал-лейтенанта П.М. Филатова должна была занять оборону на южном фасе Белостокского выступа). Из-под Смоленска в состав этой же армии перебрасывался 44-й стрелковый корпус (3 дивизии). 21-й стрелковый корпус (3 дивизии) начал выдвижение из Витебска в район Лиды и был подчинен штабу 3-й армии. 47-й стрелковый корпус начал выдвижение из Бобруйска в район Обуз-Лесьна. Кроме того, на Западный фронт перебрасывалась 22-я армия Уральского военного округа и 21-я армия Приволжского военного округа. Всего в составе фронта насчитывалось 45 соединений (24 стрелковых дивизии, 12 танковых дивизий, 6 моторизованных дивизий, 2 кавалерийские и 1 воздушно-десантный корпус).

Против Западного (округа) фронта немцы сосредоточили самую мощную группировку своих войск. Всего 50 дивизий:

31 пехотную, 9 танковых, 6 моторизованных, 3 охранных и 1 кавалерийскую. Кроме внезапности противник использовал здесь и хорошие знания военного искусства. Так, 3-я танковая группа противника наносила главный удар в Литве, с тем чтобы затем выйти в тыл советского Западного фронта. На южном фланге действовала 9-я немецкая армия, которая с фронта атаковала 3-ю армию генерала Кузнецова и, отбросив ее, заняла Гродно. На фронте 10-й армии генерала Голубева немцы вели отвлекающие действия, однако на южном фасе 4-я армия под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге нанесла сокрушительный удар в направлении Бельск. В районе Бреста 2-я танковая группа с ходу атаковала 4-ю армию генерала Коробкова.

Как подчеркивает Д.А. Волкогонов, «начиная с утра 23-го иллюзии, которые еще питал Сталин, начали быстро испаряться. Дважды он пытался связаться лично с Д.Г. Павловым, но оба раза из штаба Западного фронта односложно отвечали, что “командующий находится в войсках”. Ничего определенного не удалось добиться и от генерал-майора В.Е. Климовских, начальника штаба фронта. Появилась страшная догадка: штаб потерял управление войсками и не контролировал катастрофическое развитие событий.

А штаб Западного фронта действительно через сутки утратил управление войсками. <...>

Командующий фронтом, которому оставалось пробыть на этом посту всего неделю, из отрывочных сведений, поступавших в штаб, на четвертый день войны понял, что подвижные группы войск противника через два-три дня могут выйти к Минску с северо-запада и юго-запада. Войска 3-й и 10-й армий фронта, действовавшие в белостокском выступе, оказались в тяжелом положении. Их обошли с флангов, а частично и с тыла».

«В соответствии с разрешением, полученным из Москвы, – продолжает В.А. Анфилов, – Военный совет Западного фронта днем 25 июня направил в войска директиву об отходе на восток. “Сегодня в ночь с 25 на 26 июня 1941 г. не позднее 21 часа, – указывалось командующим армиями, – начать отход, приготовить части. Танки в авангарде, конница и сильная противотанковая оборона – в арьергарде. Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести широким фронтом. Первый скачок – 60 км в сутки”.

Осталось неизвестным, дошло ли до исполнителей содержание этой уже невыполнимой в сложившихся условиях директивы».

3-я армия под командованием генерала Кузнецова должна была отступать на Новогрудок, а 10-я под командованием Голубева – на Слоним. 27 июня советские войска оставили Белосток, и, чтобы сохранить пути отхода, вели бои в районе Волковыска и Зельвы. А на

следующий день немцы заняли Волковыск и пути отхода этим армиям были перерезаны. 1 июля 1941 года две немецких армии (4-я и 9-я) завершили окружение советских войск, отступавших в Белостокском выступе.

Словом, обстановка на Западном фронте складывалась все хуже и хуже. В.А. Анфилов констатирует: «Огромное преимущество противнику предоставляло господство в воздухе. Из-за недостатка истребителей, зенитных орудий и боеприпасов к ним наши войска не прикрывались с воздуха».

Вот что писал по этому поводу в политдонесении начальник отдела политической пропаганды 2-го стрелкового корпуса 13-й армии: «С 27 по 30 июня на фронте в районе Минска ни одного раза не появлялась наша авиация; в этих условиях авиация противника орудует безнаказанно». И не случайно воины 100-й и 161-й стрелковых дивизий, сражавшиеся с врагом в Минском укрепленном районе, говорили тогда: «Дайте снарядов, помогите самолетами – мы никогда не отступим».

В оборонительном сражении под Минском войска 13-й армии умело использовали занятые ими долговременные огневые точки. В отчете о боях 3-й танковой группы отмечалось, что минские доты частично пройдены не занятыми войсками противника, в то время как при преодолении других дивизии несли тяжелые потери, прорываясь через укрепленный пояс. Соединения армии, особенно 2-го ск генерала А.Н. Ермакова, удерживали занимаемые рубежи до 28 июня. <...>

Однако, встречая на том или ином участке фронта упорное сопротивление, танковые соединения противника, не ввязываясь в затяжные бои, стремились обойти их с флангов. К исходу 28 июня большая часть войск 13-й армии находилась восточнее Минска. К городу с северо-запада и юго-запада рвались немецкие танки. В 17 часов 28 июня 12-я танковая дивизия группы Гота после упорного боя ворвалась в столицу Белоруссии, а на следующий день танковые группы Гота и Гудериана соединились. Войска 13-й армии в основном успели отойти на восток и развернуться на рубеже Борисов, Смолевичи, р. Птичь. Соединения 3-й и 10-й армий, отступавшие из Гродно и Белостока на Новогрудок, Минск, оказались в окружении».

О том, что немцы ворвались в Минск и окружили 3-ю и 10-ю армии, а также 21-й стрелковый корпус 13-й, Сталин узнал только 29 июня. И, как пишет В.А. Анфилов, именно «в тот день, 29 июня, когда после захвата врагом Минска у всех политических и государственных руководителей открылись глаза, какая угроза нависла над страной, Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли специальную директиву советским и партийным организациям прифронтовых областей. Этой директиве, положенной потом в основу речи Сталина 3 июля, суждено было стать программой мобилизации всех сил народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками».

К слову сказать, именно в Белостокско-Минском сражении (22 июня – 8 июля) большая часть войск Западного фронта попала в окружение. Фронт был фактически уничтожен за первые две недели войны. Из 625 000 человек своего состава он потерял около 420 000... Командующий фронтом Герой Советского Союза генерал армии Д.Г. Павлов был отстранен от командования и арестован. 22 июля 1941 года по приговору суда его расстреляли. Вместе с ним были расстреляны начальник штаба фронта генерал-майор В.Е. Климовских и начальник связи фронта генерал-майор А.Т. Григорьев. Также были арестованы и расстреляны начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант Н.А. Клич, командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С.И. Оборин и командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков.

2

4-й стрелковый корпус 3-й армии Западного фронта, которым командовал генерал-майор Е.А. Егоров, участвуя в приграничном сражении, прикрывал фас Белостокского выступа и район Гродно. Уже на третий день войны связь корпуса со штабом 3-й армии и 56-й стрелковой дивизией была потеряна. «К исходу 28 июня в распоряжении командира корпуса генерал-майора Е.А. Егорова оставалось чуть больше полка, – говорится в книге «Комкоры». – Присоединив к ним отходящие части 85-й стрелковой дивизии, он отдал приказ остаткам корпуса занять оборону в районе местечка Деречин и после непродолжительных боев – отходить на восток к реке Щара. При отходе колонна штаба корпуса попала под огонь противника, Е.А. Егоров был ранен и 29 июня 1941 г. попал в плен».

ЕГОРОВ Евгений Арсентьевич (10 марта 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в Киеве в семье рабочего. После окончания четырехклассной городской школы работал столяром на паркетной фабрике. В ноябре 1912 года призван в Русскую армию. Принимал участие в Первой мировой войне. Службу закончил в чине старшего унтер-офицера в декабре 1917-го.

В марте 1918 года вступил в Красную армию. Окончил 3-и Киевские пехотные курсы (1919), Высшую повторную школу старшего комсостава в г. Харьков (1924), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1930).

В годы Гражданской войны бойцом отряда Муравьева сражался с германскими войсками и гайдамаками на Украине, с ноября – старшиной роты и командиром взвода 1-го Киевского пехотного полка боролся с вооруженными формированиями «Белого Ангела» в районах городов Нежин, Киев. После учебы на 3-х Киевских курсах снова проходил службу в 1-м киевском пехотном полку в должности командира роты. С июля 1919 года командиром батальона 8-го стрелкового полка бригады Красных коммунаров участвовал в боях на Восточном фронте против уральских белоказаков в районе г. Оренбург и в киргизских степях, с июля 1920 г. – на Южном фронте командиром взвода 8-го стрелкового полка 3-й стрелковой дивизии воевал с войсками генерала П.Н. Врангеля в районе г. Александровск и в Крыму. Был дважды ранен.

После войны Егоров командир взвода и помощник командира батальона в 8-м стрелковом полку 3-й стрелковой дивизии (г. Керчь). После окончания Харьковской высшей повторной школы среднего комсостава командовал отдельным батальоном ЧОН в Донецкой губернии. С октября 1924 года – помощник командира полка по хозяйственной части и временно исполняющий должность командира 72-го стрелкового полка 24-й стрелковой дивизии. С мая 1929 года – командир 286-го стрелкового полка 96-й стрелковой дивизии (Украинского военного округа, Киевского военного округа). С мая 1935 года – помощник командира 100-й стрелковой дивизии в Киевском округе, с августа 1937 года – комендант Тираспольского укрепрайона. В июне 1938 года переведен на Дальний Восток на должность заместителя командующего Приморской группой войск ОКДВА. С июля того же года – заместитель командующего 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта. 14 августа 1938 года ему присвоено звание комдива. С сентября этого же года состоял в распоряжении Управления по комначсоставу РККА (был арестован и находился под следствием). С января 1939 года – помощник командира, а с августа – командир 10-го стрелкового корпуса Белорусского особого военного округа. В феврале 1940 года Егоров назначен командиром 4-го стрелкового корпуса.

На второй день войны 11-й механизированный корпус 3-й армии Западного фронта по распоряжению Генерального штаба принимает участие в контрударе с общим направлением на Белосток. А на четвертый день с большими потерями в живой силе и технике (в корпусе

осталось около 60 танков и 20 броневых автомобилей) отступает в направлении Новогрудка. 28 июня оставшиеся части 11-го мехкорпуса совместно с частями 6-го кавкорпуса ведут бои в окружении в районе реки Щара. Заместитель командира 11-го мехкорпуса генерал-майор П.Г. Макаров при попытке выйти из окружения попадает в немецкий плен 8 июля, а командующий артиллерией 11-го мехкорпуса генерал-майор Н.М. Старостин – в начале августа, столкнувшись с большой группой немецких солдат.

К слову сказать, остатки 11-го мехкорпуса вышли из окружения 14 июля 1941 года возле станции Рабкор, что в 80 километрах от Бобруйска. И если генерал Макаров оказался в плену раньше этой даты и просто не дошел до заветной станции, то генерал Старостин, как начальник артиллерии, задержался в окружении по уважительной причине. Ему пришлось руководить закапыванием всех оставшихся орудий артиллерии корпуса, к которым уже не было снарядов.

МАКАРОВ Петр Григорьевич (29 июня 1898 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в селе Кудияровка Тульской губернии в крестьянской семье. После окончания церковноприходской школы работал батраком и чернорабочим. В феврале 1917 года призван в Русскую армию, рядовой. В октябре 1918 года вступил в Красную армию. В 1919–1922 годах принимал участие в Гражданской войне. В 1919 году он стал командиром взвода 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии и принимал участие в сражениях с Добровольческой армией генерала Деникина. В 1920 году Макаров стал командиром эскадрона той же дивизии, участвовал в сражениях против войск Врангеля. В 1921–1922 годах он уже командир 13-го кавалерийского полка 1-й кавалерийской бригады 1-й Конной армии, действовавшей против махновцев.

После Гражданской войны до 1931 года Макаров командовал кавалерийскими подразделениями и частями. В 1931–1937 годах проходил службу в должности начальника штаба кавалерийского полка, до 1938 года – командиром полка, до 1939-го – помощником командира 6-й кавалерийской дивизии Белорусского особого военного округа. 5 января 1937 года ему было присвоено звание полковника, 31 октября 1938 года – комбрига. В 1939 году Макарова назначили командиром этой дивизии. 9 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В марте 1941 года Макаров был назначен заместителем командира 11-го механизированного корпуса. Награжден орденом Красного Знамени (1930).

СТАРОСТИН Николай Михайлович (1901 год). Русский. Генерал-майор артиллерии (1940). Родился в деревне Каменка Смоленской губернии. После окончания сельской школы в течение восьми лет работал в Санкт-Петербурге учеником продавца и продавцом.

6 июня 1919 года он вступил в Красную армию. В 1919–1920 годах принимал участие в Гражданской войне на Западном фронте в должности командира взвода. В марте 1921 года участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. После войны Старостин в течение двух лет командовал ротой. В 1925 году он окончил артиллерийское отделение объединенной военной школы. В 1925–1932 годах командовал батареей и дивизионом. Затем в течение пяти лет занимал должность начальника штаба артиллерийского полка, в 1937–1939 годах – командовал полком. В 1939 году Старостина назначили начальником артиллерии 49-й стрелковой дивизии 3-й армии Белорусского Особого военного округа, а 4 июня

1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В марте 1941 года Старостина назначают начальником артиллерии 11-го механизированного корпуса. Награжден орденом Красной Звезды (1938).

3

113-я стрелковая дивизия начало войны встретила в составе 5-го стрелкового корпуса 10-й армии Западного фронта. 23 июня в боевом распоряжении командующего войсками

фронта генерала Павлова командующему войсками 10-й армии говорилось: «Найти, где 49-я и 113-я стрелковые дивизии, и вывести». То есть и на второй день войны связи с дивизией, которой командовал генерал Алавердов, не было. Предположительно 113-я дивизия уже на второй день войны находилась в окружении и в течение последующих нескольких дней погибла на поле брани у поселка Семятичи. Сам командир соединения генерал Х.Н. Алавердов был взят в плен 1 июля 1941 года, при попытке выйти из окружения.

29-я моторизованная дивизия 23 июня 1941 года развернулась на фронте Кузница – Сокулка для прикрытия левого фланга своего 6-го механизированного корпуса 10-й армии. 25 июня она своим правофланговым 128-м мотострелковым полком в районе Кузницы вступила в бой с подошедшей 162-й пехотной дивизией противника. Не выдержав атаки пехоты противника, усиленной артиллерией, полк отступил на линию Номики – Заспиче. В дальнейшем 29-я дивизия прикрывала находящиеся в тылу части 27-й стрелковой дивизии и сосредоточение за ее левым флангом 6-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса. И если еще днем 26 июня 29-я дивизия продолжала удерживать свои позиции, то к концу дня была оттеснена противником. В июле она попала в окружение в районе Гродно – Белосток – Минск. Например, вот что вспоминал инструктор пропаганды 106-го полка 29-й мотодивизии В.Е. Фролов о событиях, произошедших 29 июня 1941 года: «...В районе местечка Деречин – прорыв с боем. Тут была настоящая мясорубка. Помимо нас, тут собралось разных частей около 15 тысяч человек. Всю ночь, окружив, нас расстреливали в упор, давили танками, и немногие в эту ночь остались в живых. Шли на восток, собирались снова и шли с надеждой прорваться к своим». 17 июля 1941 г. командир 29-й мотодивизии генерал И.П. Бикжанов, переодевшись в гражданскую одежду, с группой офицеров двинулся на восток. Но уже 25-го числа у деревни Заболотье, под Бобруйском, был взят немцами в плен. Свои документы и форму он предусмотрительно зарыл в земле.

Когда в конце июня танковые группы противника отрезали пути отхода двум армиям Западного фронта, отходившим от Гродно и Белостока, войска этих армий, а также части 6-го кавалерийского корпуса 10-й армии, были окружены в районе Налибокской пущи. Те, кто не погиб, мелкими группами выходили из кольца через Неман и Березину в Полесье. Командир 6-го кавкорпуса генерал И.С. Никитин, будучи тяжело раненным, практически в бессознательном состоянии был захвачен в плен.

4-я танковая дивизия 6-го мехкорпуса 10-й армии в течение всего дня 23 июня 1941 года, выполняя противоречивые приказания вышестоящего командования, совершала бесконечные марши... Утром 24 июня она наконец-то перешла в наступление, но в результате тяжелого боя была остановлена на подступах к Гродно. На следующий день 4-я дивизия уже отходила за Свислочь. Как пишет А.В. Исаев, «на контрударе под Гродно история 4 тд не закончилась. Она приняла активное участие в попытках прорыва из “белостокского котла”. 4 тд пыталась прорвать немецкую оборону на рубеже реки Зельвянки южнее Зельвы. Отчаянные и достаточно организованные атаки прорывавшихся из окружения под Белостоком советских войск заставили командование немецкой группы армий “Центр” на несколько дней задержать на рубеже ряд соединений 2-й танковой группы Г. Гудериана. 30 июня стало последним днем организованных попыток прорыва под Зельвой». Командир 4-й танковой дивизии генерал А.Г. Потатурчев был взят в плен в гражданской одежде в Бобруйске. Его выдал предатель, бывший вольнонаемный из тыла дивизии, предложивший на время укрыться и подлечиться в доме своего родственника.

13-я стрелковая дивизия 5-го стрелкового корпуса 10-й армии уже на второй день войны была вынуждена под давлением противника отступить. 24 июня она занимает оборону по реке Нарев, а 26 июня совершает отход в Супрасельскую пушу, где рассыпается на неорганизованные группы. Ее командир генерал А.З. Наумов попал в плен в июле 1941 года под Осиповичами, что находится в 136 километрах на юго-запад от Могилева.

36-я кавалерийская дивизия была поднята по тревоге ровно в 4 часа. Вскоре она выступила на соединение с 6-й кавалерийской дивизией с целью совместного отражения наступления противника на ломжевском направлении. Попад под удар немецкой авиации, соединение только к вечеру сосредоточилось юго-восточнее Белостока. Как сообщается в официальных источниках, «дивизия участвовала в приграничном сражении, во фронтовом контрударе на белостокском и гродненском направлениях. В этих боях она была разбита, и ее остатки вели бои в окружении». Что же касается командира дивизии генерала Зыбина, то 28 августа 1941 года в районе деревни Клетное Волковысского района в Белоруссии он попал в плен...

АЛАВЕРДОВ (АЛАВЕРДЯН) Христофор Николаевич (25 мая 1895 года). Армянин. Генерал-майор (1940). Родился в селе Огбин (Армения) в Российской империи в крестьянской семье. В школе не учился, был самоучкой. В 1914 году был призван по мобилизации в армию и до 1917 года участвовал в Первой мировой войне, которую закончил в звании подпоручика. В феврале 1918 года добровольно вступил в Красную армию. Принимал участие в боевых действиях Красной армии против Каледина в 1918 году и немецких войск и войск гетмана Скоропадского в 1919 году. Был ранен в голову. В 1920–1921 годах он участвовал в боевых действиях против войск Колчака. С 1921 по 1924 год на Украине командовал кавалерийским полком 9-й кавалерийской дивизии, где сражался против махновцев и других банд.

В течение двух лет Алавердов учился в Киевской объединенной военной школе, а затем еще год воевал в Таджикистане против басмачей в должности начальника штаба кавалерийского полка. Следующие шесть лет проходил службу в той же должности в Московском и Закавказском военном округах.

В 1935 году Алавердов окончил Военную академию имени Фрунзе. Командовал кавалерийским полком на Кубани. В течение последующих двух лет учился в Военной академии Генерального штаба и еще три года преподавал в Военной академии имени Фрунзе. В феврале 1938 года ему было присвоено звание полковника, а в феврале 1940-го его назначили командиром 113-й стрелковой дивизии Белорусского особого военного округа. В марте 1940 года Алавердову было присвоено звание комбрига, а 4 июня 1940 года – генерал-майора. Алавердов в качестве командира дивизии принимал участие в советско-финской войне 1939–1940 годов в период с 11 февраля по 13 марта 1940 года. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1940) и орденом Трудового Красного Знамени (1940).

БИКЖАНОВ Ибрагим Паскаевич (17 ноября 1895 года). Татарин. Генерал-майор (1940). Родился в селе Болотцы Рязанской губернии. После окончания трех классов сельской школы работал в отцовском хозяйстве. В марте 1915 года призван в Русскую армию. Участник Первой мировой войны. Был ранен. Службу закончил в октябре 1917 года в звании старшего унтер-офицера.

В Красную армию вступил в ноябре 1918 года. Окончил учебную команду 42-го Сибирского стрелкового полка (1916), Московскую школу военных шоферов (1918), 2-е Московские советские кавалерийские командные курсы (1920), кавалерийские курсы усовершенствования комсостава РККА в Новочеркасске, отдел старшего комсостава (1927).

В годы Гражданской войны проходил службу в должности командира взвода сначала в 1-м кавалерийском полку, а затем в автомотоциклетной роте 9-й стрелковой дивизии. Воевал на Южном фронте против войск генерала Деникина. С августа 1919 года служил в запасном стрелковом полку в Рязани. После окончания 2-х Московских курсов был направлен в 1-ю конную армию, где получил назначение на должность командира эскадрона 1-й кавалерийской бригады 14-й кавалерийской дивизии. Из-за ранения после убийства дивизии на фронт под Ростов-на-Дону был оставлен Таганроге в отдельной кавалерийской бригаде и назначен помощником командира полка. Затем воевал на Южном фронте против Врангеля. В марте 1921-го направлен на Туркестанский фронт, где командовал 1-м отдельным Бухарским кавалерийским полком. В марте—апреле 1922-го воевал против басмачей.

С января 1924 года Бикжанов командовал эскадроном в Ташкенте, а через три года в Ашхабаде проходил службу на должностях помощника начальника и начальника штаба 2-го Туркменского кавалерийского полка. В декабре 1929 года с должности начальника полковой школы переведен в Самарканд, где временно исполнял должность начальника штаба Отдельного узбекского кавалерийского полка. В апреле – июне 1931 года принимал участие в боях с басмачами. С октября 1933 года – командир 48-го Казахского кавалерийского полка (Алма-Ата), с ноября 1936 года – помощник командира 19-й кавалерийской дивизии в Самарканде. Спустя два года Бикжанов переведен в Ленинградский округ на должность командира 16-й кавалерийской дивизии. В июне 1940 года ему присваивают звание генерал-майора, а в июле назначают командиром 29-й моторизованной дивизии Западного особого военного округа. Награжден орденом Красного Знамени (1923), двумя орденами Красного полумесяца Бухарской республики и орденом Трудового Красного Знамени Узбекистана.

НИКИТИН Иван Семенович (22 октября 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в поселке Дубровка Брянской губернии в семье служащего. После окончания начального училища работал служащим. В 1916 году был призван в Русскую армию, унтер-офицер. Принимал участие в Первой мировой войне. Окончил учебную команду (1917), Тверские советские курсы кавалерии (1919), Военную академию РККА им. Фрунзе (1927).

В Красную армию вступил в декабре 1918 года. Красноармейцем Тверского отдельного эскадрона воевал против войск генерала Юденича. После окончания Тверских курсов командовал взводом и эскадроном в 22-м отдельном кавалерийском дивизионе 22-й стрелковой дивизии. Воевал против войск Деникина на Дону, а в 1920-м – на Северном Кавказе. В 1920 году за взятие Майкопа был награжден почетным наградным оружием «Маузер». С апреля – командир 1-го кавалерийского полка 2-й кавалерийской бригады. Воевал против войск Врангеля и с повстанцами в Донбассе. В феврале 1921-го назначен помощником командира полка 1-й кавалерийской отдельной Кубанской бригады. В апреле – командиром полка в составе 39-й стрелковой бригады. В ноябре – командир 82-го кавалерийского полка 14-й кавалерийской дивизии. В июле 1922-го – командир 79-го кавалерийского полка.

После окончания Академии имени Фрунзе, в сентябре 1927 года, Никитин был назначен преподавателем Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава. С сентября 1928 года – начальник штаба 9-й Крымской кавалерийской дивизии. С 1930-го, в течение двух лет, проходил службу в Украинской кавалерийской школе, а затем был назначен командиром и военкомом 5-й кавалерийской дивизии. С марта 1936-го был военным советником в армии Монголии. В сентябре следующего года назначен преподавателем тактики Военной академии РККА имени Фрунзе. С сентября 1939-го – помощник по оперативному отделу армейского инспектора Белорусского особого военного округа, а с февраля 1940-го – помощник командующего войсками этого округа по военно-учебным заведениям. В марте назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса. 4 июня ему присвоено звание генерал-майора. Награжден двумя орденами Красной Звезды (1938, 1941).

ПОТАТУРЧЕВ Андрей Герасимович (2 ноября 1898 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940). Родился в селе Князищево Лихвинского уезда Калужской губернии в семье крестьянина. Работал на шахте. В Русской армии с февраля по октябрь 1917 года, рядовой.

В феврале 1918 года вступил в ряды Красной армии. Окончил 1-е Петроградские артиллерийские курсы (1919), повторную школу зенитной артиллерии РККА в Ленинграде (1924), курсы усовершенствования при Школе механической тяги ЛВО (1926), Военную академию механизации и моторизации РККА им. Сталина (1935).

В годы Гражданской войны служил в партизанском отряде, а после окончания 1-х Петроградских артиллерийских курсов воевал в должностях командира связи и помощника командира батареи в составе 45-й стрелковой дивизии против войск генерала Деникина на

Правобережье Днепра, в Одесской операции. В мае 1920-го он назначен начальником связи конно-горной батареи, а затем помощником командира батареи в 8-й кавалерийской дивизии. Воевал с белополяками, петлюровцами и бандами Палия. С октября – помощник командира и командир батареи 2-й кавалерийской дивизии.

После войны до весны 1925-го продолжал служить в том же соединении, а затем был назначен начальником службы связи, наблюдения и разведки отдельной зенитной батареи в Севастополе. В октябре 1926 года получил назначение на должность помощника командира батареи 121-го артиллерийского полка. Через год назначен командиром батареи, а затем дивизиона 118-го артиллерийского полка. Следующие 5 лет Потатурчев учился: сначала в Военно-технической академии РККА, а затем в Военной академии механизации и моторизации Красной армии. Весной 1935-го он назначен командиром учебного батальона 5-й танковой бригады. В 1936 году ему присвоено звание майора. Летом 1937-го назначен на должность командира 1-й тяжелой танковой бригады в Смоленске. С июля следующего года исполнял должность начальника отдела автобронетанковых войск Белорусского особого военного округа. В 1938 году присвоено звание полковника. В мае следующего года – командир 21-й танковой бригады. В этой же должности участвовал в походе Красной армии в Западную Белоруссию. 4 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора танковых войск, и в том же месяце он вступает в командование 4-й танковой дивизией 3-го мехкорпуса Прибалтийского округа, а затем 6-го мехкорпуса Западного особого военного округа. Награжден орденом Красной Звезды.

НАУМОВ Андрей Зиновьевич (19 ноября 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился 19 ноября 1891 года в деревне Чистопольские Выселки Казанской губернии в крестьянской семье. После окончания сельской школы работал столяром. В 1911 году был призван в Русскую армию. Принимал участие в Первой мировой войне на Северо-Западном фронте, был ранен. Старший унтер-офицер.

В апреле 1918 года вступил в Красную армию. В Гражданской войне воевал против войск Колчака.

После войны до 1926 года командовал ротой и батальоном. В 1926 году окончил командную пехотную школу в Москве, затем до 1931 года командовал различными стрелковыми подразделениями. В 1931–1932 годах проходил службу в должности заместителя командира полка. Затем окончил Высшие командные курсы «Выстрел» и до 1938 года командовал стрелковым полком. В 1938–1939 годах Наумов занимал должность заместителя командира дивизии. 10 февраля 1939 года ему было присвоено звание комбрига, и в тот же день его назначили командиром 13-й стрелковой дивизии Белорусского особого военного округа. 4 июня 1940 года Наумову было присвоено звание генерал-майора.

ЗЫБИН Ефим Сергеевич (25 декабря 1894 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в деревне Васильевка Александровской волости Задонского уезда Воронежской губернии в крестьянской семье. После окончания сельской школы работал батраком. С 1915 года в Русской армии. Участник Первой мировой войны, рядовой лейб-гвардии Семеновского полка.

В Красной армии с сентября 1918 года. Окончил 4-е Орловские кавалерийские командные курсы (1919), Петроградскую кавалерийскую школу (1926), Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава РККА (1931).

В годы Гражданской войны в сентябре 1919-го оставлен на курсах командиром взвода и начальником хозяйственной команды. С мая по ноябрь 1921-го – командир кавалерийского дивизиона курсантов. В этой должности принимал участие в подавлении восстания Антонова. С декабря – комендант Управления вузов Орловского округа, а с марта 1922-го – начальник хозяйственной команды 4-х Орловских кавалерийских курсов. В 1922 году подвергался аресту Орловским губернским ЧК за должностные преступления. В январе 1923

года уволен в запас, но уже в сентябре откомандирован Орловским губернским военкоматом на учебу в Петроградскую кавалерийскую школу, где оставлен командиром взвода и курсовым командиром. С мая 1931-го – командир эскадрона, кавалерийского дивизиона Объединенной кавшколы им. 1-й конной армии, с апреля 1933 года – начальник и политрук полковой школы 61-го кавполка 1-й особой кавбригады им. И.В. Сталина. В мае 1935 года назначен начальником полковой школы 118-го кавалерийского полка 30-й кавалерийской дивизии Ленинградского округа. С февраля 1937-го – помощник командира полка по материальному обеспечению. С июня – помощник начальника 1-го отделения Отдела по ремонту конского состава РККА. В мае 1938 года назначен командиром 62-го кавалерийского полка, а с октября – исполняющим должность помощника командира Особой Краснознаменной кавалерийской дивизии им. Сталина. В том же году был арестован органами НКВД по подозрению в антисоветском военном заговоре, но вскоре был освобожден. С апреля 1939-го – командир 36-й кавалерийской дивизии, входившей в состав 3-го, затем 6-го кавалерийских корпусов Белорусского округа. 4 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора.

4

С 28 июня 1941 года части 172-й стрелковой дивизии сосредотачивались в районе Могилева. Вместе с горожанами они создавали полевые сооружения, окопы и ходы сообщения. Командир дивизии генерал Романов прибыл на место со своим штабом к 31 июня. Соединение заняло оборону по западному берегу Днепра. Его подчинили 61-му стрелковому корпусу в составе отходящей 13-й армии Западного фронта. А 5 июля передовые отряды 172-й дивизии встретили противника...

В течение трех недель 172 сд вместе с другими соединениями 13-й армии обороняла город Могилев, сковав тем самым не менее 4 немецких дивизий. Только за один день 388-й полк 172-й дивизии подбил 39 танков. Свидетельствуя об этом, писатель К. Симонов без всякого пафоса напишет: «Я не был солдатом, был всего-навсего корреспондентом, но я видел, что такое военная “мясорубка”, как она перемалывала наших бойцов. И как они, преодолевая страх, становились победителями там, где это, казалось, было просто невозможно по всем законам логики. Мне никогда не забыть поле под Могилевом, которое в июле 1941 года в самом прямом смысле было пропитано кровью наших солдат. И в то же время там впервые я воочию увидел триумф солдатского мужества – 39 сгоревших немецких танков!»

К слову сказать, частям соединения генерала Романова противостояли целых две дивизии 24-го танкового корпуса танковой группы Гудериана. Однако длительная оборона могилевского рубежа (с 5 по 25 июля 1941 года), несмотря на значительное превосходство противника, не позволила ему оккупировать занятую территорию, что дало возможность большому количеству наших войск в составе соединений, частей, подразделений мелкими группами и в одиночку выйти из окружения, соединившись со своими частями.

Бывший заместитель начальника штаба 13-й армии С.П. Иванов в своих мемуарах так охарактеризует комдива 172-й: «Генерал М.Т. Романов показал себя хорошим организатором боя, он умело и твердо руководил частями, мужественно и храбро вел себя в смертельно опасных ситуациях». Михаил Тимофеевич Романов, как командир 172-й стрелковой дивизии, насмерть стоявшей на днепровском рубеже, действительно заслужил самое великое уважение и признательность на вечные времена.

В ночь на 26 июля он собрал всех командиров на совещание. Это произошло, когда дальнейшая оборона днепровского рубежа на ограниченном участке уже не имела никакого оперативного значения, а части дивизии были отрезаны от остальных сил корпуса. На нем комдив отдал следующий приказ: «27 июля с наступлением темноты всем частям и штабам оставить гор. Могилев и начать пробиваться из окружения: а) частям, действующим на левом

берегу р. Днепр, под общим командованием командира 747-го стрелкового полка Щеглова прорываться в северном направлении, пункты прорыва на местности назначить командиру полка. По прорыву кольца окружения повернуть на восток в направлении лесов, что восточнее Могилева, и двигаться до соединения со своими частями; б) частям, обороняющимся на правом берегу р. Днепр, под общим командованием командира 388-го стрелкового полка Кутепова прорываться из окружения в юго-западном направлении вдоль Бобруйского шоссе на кирпичный завод и далее в лес в районе д. Дашковка, в тыл врага. В дальнейшем, следуя в южном направлении, вдоль р. Днепр, переправиться на его левый берег и после этого двигаться в восточном направлении до соединения со своими частями; в) группе управления дивизии, штабу дивизии, дивизионным частям (батальон связи, саперный батальон и др.) двигаться за 388-м стрелковым полком во втором эшелоне».

Генерал Романов был взят в плен 21 сентября 1941 г., а 24 сентября будет подписан приказ о его назначении на должность начальника штаба армии...

РОМАНОВ Михаил Тимофеевич (3 ноября 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в Нижнем Новгороде в семье цехового ремесленника. В 15 лет остался без отца. С отличием окончил городское училище. Для того чтобы содержать семью (мать и сестру), стал работать ремесленником-надомником по пошивке фуражек для торговцев Сорокиных. В 1915 году был призван в Русскую армию. Окончил Чистопольскую школу прапорщиков. Командовал ротой в составе 72-го полка в Ржеве, поручик.

В Красной армии с 1918 года. Окончил пехотную командирскую школу. Был назначен начальником полковой школы. Воевал на Восточном фронте, принимал участие в боях с колчаковцами. Участвовал в боевых действиях в Туркестане. Помощником командира полка участвовал в ряде операций, был ранен в голову. После выздоровления за проявленные в боях с басмачами незаурядные командирские способности и доблесть назначен командиром 11-го полка.

После Гражданской войны Романов командовал 50-м стрелковым полком 17-й дивизии в Нижнем Новгороде, а потом 18-м полком в г. Ливны. В 1939 году его назначили командиром 185-й дивизии. В 1940 году получил звание генерал-майора, а после окончания шестимесячных курсов усовершенствования командного состава при Академии Генерального штаба получил назначение на должность командира 172-й стрелковой дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года награжден орденом Красного Знамени.

5

27 июня 1941 года части 21-го стрелкового корпуса были вынуждены оставить Лиду. А ведь еще днем раньше силами двух дивизий в полосе до 100 километров он перешел в наступление и даже продвинулся вперед. Однако к концу дня противник контратаковал корпус и начал теснить его к Лиде и в район восточнее города. Неудача объяснялась просто: тыловые части, как корпуса, так и соединений, еще не прибыли на место. Поэтому не было боеприпасов, горючего, средств связи и транспорта. Более того, не подспела и корпусная артиллерия. Фланги 21-го корпуса были обнажены. Все последующие дни части корпуса без боеприпасов выходили из окружения севернее Минска. При попытке прорыва частей корпуса из кольца 30 июня 1941 года погиб его командир генерал-майор Б.В. Борисов. Как сообщается в книге «Комкоры», после гибели комкора «корпус, возглавляемый начальником штаба генерал-майором Д.Е. Закутным, сумел вырваться из окружения. Затем, после восстановления, 21-й стрелковый корпус был подчинен 21-й армии, которая в составе Западного, затем Центрального фронтов вела боевые действия на гомельском направлении. Приказом Военного совета армии от 21 июля 1941 года Д.Е. Закутный был утвержден в должности командира корпуса».

Совершенно новый корпус, объединивший в своем составе свои тыловые части, свою артиллерию и другие соединения, выдвинулся на передовую в полосе северо-западнее Пропойска до Бохани. 23 июля 1941 года он принял участие в наступлении в направлении на Быхов и Бобруйск. Но уже через два дня в районе сел Большие и Малые Зимницы Гомельской области снова попал в окружение и был разбит. Генерал-майор Закутный, оказавшись отрезанным от своих, был взят в плен.

ЗАКУТНЫЙ Дмитрий Ефимович (7 ноября 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился на хуторе Калмыцкий станицы Великокняжеская Области Всевеликого войска Донского в крестьянской семье. В 1911 году окончил сельскую школу. В 1914-м экстерном сдал экзамен за 5 классов реального училища.

В Красной армии с марта 1918 года. Окончил курсы усовершенствования при Разведывательном управлении РККА (1924), Военную академию РККА им. Фрунзе (1931), Академию Генштаба РККА (1938).

В годы Гражданской войны с марта 1918-го – член ревкома и председатель военного отдела Зимовниковского революционного комитета, с мая – начальник штаба, затем рядовой Зимовник-Куберлеевского партизанского отряда, в составе которого участвовал в боях против казачьих отрядов генерала Краснова. С сентября – помощник командира 1-й отдельной Зимовниковской батареи 1-й Советской отдельной стрелковой бригады. С ноября – при штабной роте штаба Южного боевого участка Царицынского фронта. В феврале 1919-го – адъютант отдельного артиллерийского дивизиона 1-й Советской Донской рабоче-крестьянской дивизии, с апреля – адъютант 2-го отдельного артиллерийского дивизиона 37-й стрелковой дивизии, затем в той же должности – в 1-м легком артиллерийском дивизионе. С февраля 1920-го – адъютант 3-го артдивизиона 32-й стрелковой дивизии, с августа – в отдельном тяжелом артиллерийском дивизионе. Принимал участие в боях против войск генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля.

После войны Закутный проходил службу в Северо-Кавказском военном округе: с мая 1921-го – исполняющий должность порученца в инспекции артиллерии 2-го Кавказского корпуса, с августа – помощник адъютанта 120-го, затем 9-го Кавказского и 18-го Кавказского стрелковых полков. С марта 1922-го – командир взвода конной разведки 248-го стрелкового полка, с июня – помощник начальника штаба 83-го стрелкового полка, с июля – помощник начальника пулеметной команды. В октябре 1922 года его переводят в штаб 9-го стрелкового корпуса на должность помощника начальника оперативной части штаба корпуса. По окончании курсов при Разведуправлении проходил службу заведующим разведывательным отделом штаба корпуса. С января 1925-го – помощник начальника разведывательного отдела штаба СКВО. В мае 1931 года, по окончании Академии им. Фрунзе, был назначен начальником 1-й части штаба 14-го стрелкового корпуса. С марта 1932 года в Штабе РККА, а с сентября 1935-го в Генштабе РККА: помощник начальника и заместитель начальника 1-го сектора оперативного отдела, с января 1935 года – начальник 1-го отделения оперативного отдела. В августе 1938 года, по окончании Академии Генштаба, назначен ассистентом кафедры службы штабов Военной академии РККА им. Фрунзе. С августа 1939-го – начальник штаба Горьковского стрелкового корпуса, затем 21-го стрелкового корпуса Западного особого военного округа. Звание генерал-майора присвоено 5 июня 1940 года (полковник – 29 ноября 1935 года, комбриг – 4 ноября 1939 года).

6

Профессора Военной академии Генерального штаба, доктора военных наук, генерал-лейтенанта инженерных войск Д.М. Карбышева начало войны застало в штабе 3-й армии Западного особого военного округа, в Гродно. Находясь в командировке на западной границе СССР, он должен был инспектировать качество возведения укреплений. Через два дня он уже в штабе 10-й армии, а 27 июня вместе с ним попал в окружение. При попытке

выйти из него с группой бойцов и командиров в районе деревни Добрейка Могилевской области генерал Карбышев был тяжело контужен и в бессознательном состоянии попал в плен. По одним данным, это произошло 8 августа 1941 года. По другим – 26 июля.

КАРБЫШЕВ Дмитрий Михайлович (14 (26) октября 1880 года). Русский. Генерал-лейтенант инженерных войск (1940).

Родился в городе Омске в семье военного чиновника. Из дворян. В 12 лет остался без отца. Старший брат Карбышева Владимир в 1887 году был исключен за участие в студенческом революционном движении из Казанского университета и арестован. В связи с этим Карбышев не был принят в Сибирский кадетский корпус для обучения за государственный счет. 6 сентября 1891 года он был зачислен в корпус «приходящим по плате». Несмотря на это, он блестяще закончил Сибирский кадетский корпус и в 1898 году был принят в Николаевское инженерное училище. В 1900 году, по окончании училища, направлен служить в 1-й Восточно-Сибирский саперный батальон начальником кабельного отделения телеграфной роты. В 1903 году произведен в поручики.

В ходе Русско-японской войны в составе батальона укреплял позиции, устанавливал средства связи, наводил мосты, вел разведку боем. Участвовал в сражении под Мукденом. Награжден орденами и медалями. Войну закончил в чине поручика.

В 1906 году по обвинению в агитации среди солдат ушел с военной службы в запас. Жил во Владивостоке, занимался чертежной работой. В 1907 году вернулся на военную службу, служил во Владивостоке во вновь сформированном крепостном саперном батальоне, где командовал ротой. Осенью 1908 года поступил в Николаевскую военно-инженерную академию в Санкт-Петербурге, которую окончил с отличием в 1911 году. По распределению штабс-капитан Карбышев был направлен в Брест-Литовск на должность командира минной роты. Там он принимал участие в строительстве фортов Брестской крепости. В Первую мировую войну воевал в Карпатах в составе 8-й армии генерала А.А. Брусилова (Юго-Западный фронт). Был дивизионным инженером 78-й и 69-й пехотных дивизий, затем начальником инженерной службы 22-го финляндского стрелкового корпуса. В начале 1915 года участвовал в штурме крепости Перемышль. Был ранен в ногу. За храбрость и отвагу награжден орденом Св. Анны и произведен в подполковники. В 1916 году был участником знаменитого Брусиловского прорыва. В 1917 году – производитель работ по укреплению позиций на границе с Румынией.

В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В апреле 1918 года Карбышев назначается в Коллегию по обороне страны при Главном военно-техническом управлении РККА. В июле 1918 года – начальником отдельного инженерного управления Северо-Кавказского военного округа. Весной 1919 года – главным руководителем всех оборонительных работ Восточного фронта. Участвовал в строительстве Симбирского, Самарского, Саратовского, Челябинского, Златоустовского, Троицкого, Курганского укрепленных районов; обеспечивал форсирование рек Уфимки и Белой, начало наступления на Сибирь, проектировал оборонительные сооружения Уральска. С января 1920-го – начальник Управления военно-полевых строителей. Руководил работами по восстановлению железнодорожного моста через Иртыш в Омске, укреплял Забайкальский плацдарм. В 1920 году был назначен начальником инженеров 5-й армии Восточного фронта. С октября 1920-го – заместитель начальника инженеров Южного фронта, руководил строительством укреплений на Каховском плацдарме. В ноябре 1920 года руководил инженерным обеспечением штурма Чонгарских укреплений и Перекопа. В 1921–1923 годах – помощник, заместитель, а затем начальник инженеров вооруженных сил Украины и Крыма. В 1923–1926 годах – председатель Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА. С 1926 года – преподаватель в Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1929 году был назначен автором проекта «Линий Молотова и Сталина». В феврале 1934-го – начальник кафедры военно-

инженерного дела Военной академии Генштаба. 5 декабря 1935 года присвоено звание див-инженер. С 1936-го – помощник начальника кафедры тактики высших соединений по инженерным войскам Военной академии Генерального штаба. В 1938 году окончил Военную академию Генерального штаба. 23 октября 1938 года утвержден в ученом звании профессора. В 1940 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта инженерных войск. В 1941 году – ученая степень доктора военных наук. Участник советско-финской войны 1939–1940 годов. В составе группы заместителя начальника Главного военно-инженерного управления по оборонительному строительству вырабатывал рекомендации войскам по инженерному обеспечению прорыва линии Маннергейма.

К слову сказать, Дмитрию Михайловичу Карбышеву принадлежит наиболее полное исследование и разработка вопросов применения разрушений и заграждений. Его вклад в научную разработку вопросов форсирования рек и других водных преград огромен. Он опубликовал более 100 научных трудов по военно-инженерному искусству и военной истории. Его статьи и пособия по вопросам теории инженерного обеспечения боя и операции, тактике инженерных войск были основными материалами по подготовке командиров Красной армии в предвоенные годы.

Награжден орденами Красной Звезды (1938) и Красного Знамени (1940).

Глава третья

В Уманском и Киевском котлах¹

1

Неразбериха и хаос царили не только на Западном фронте, но и на других фронтах. Как подчеркивал Д.А. Волкогонов, «в первые дни и недели войны высшее и фронтовое руководство, ошеломленное непредвиденным развитием событий, вносило своими неадекватными обстановке действиями еще больше путаницы. Бесконечные перемещения, отсутствие гибкого взаимодействия, утрата управления соединениями и объединениями, незнание истинной обстановки лишь усугубляли и без того крайне тяжелое положение войск». Подкрепляя это фактами, в своей книге он приводит воспоминания командира 8-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта Д.И. Рябышева, которые тот направил в Генштаб в специальной записке: «Только в 10.00 22-го мной был получен приказ командующего 26-й армией о сосредоточении корпуса западнее г. Самбор... Совершив 80-километровый марш к 23.00, войска корпуса сосредоточились в указанном районе. В 22.30 получен новый приказ: к 12.00 23-го корпус должен выдвинуться на 25 км восточнее Львова. Во второй половине дня корпус, переданный уже 6-й армии, получил указание выйти в р-н Яворов... Вышли. В 23.00 командующий Юго-Западным фронтом своим приказом поставил новую задачу: выйти в р-н Броды и с утра 26-го нанести удар по противнику в направлении Берестечко. А перед этим за полутора суток корпус совершил 300-километровый марш... В районе Броды 8-й механизированный корпус сосредоточился 25 июня. С утра перешли в наступление, достигнув частичного успеха, но в целом корпус задачу не выполнил. Горючего не было. В воздухе – только немецкая авиация. В 4.00 27-го получили новый приказ: корпус отводился в резерв фронта. Начали отвод. В 6.40 – новый приказ: нанести удар по противнику в направлении Броды – Дубно. Но войска уже начали отход. В 10.00 на КП корпуса прибыл член Военного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Н.Н. Вашугин, который, угрожая мне расстрелом, требовал выполнения приказа... Позже было установлено, что намечавшееся ранее штабом фронта наступление было отменено... Лишь 2 июля, занимая оборону в составе двух дивизий, узнали, что приказ о наступлении давно отменен... Выходили из окружения по частям. По приказу командующего фронтом отошли в район Проскуров. Послали донесение в штаб фронта в Житомир, но город был уже взят противником...»

В ходе сражения под Луцком – Ровно – Бродами были разбиты части 4-го, 15-го и 16-го, а также 9-го, 19-го и 22-го механизированных корпусов Красной армии из состава Юго-Западного фронта. А ведь на Юго-Западном направлении находилась самая мощная группировка советских войск, так как главный удар противника высшим военным руководством СССР ожидался на Киев.

Юго-Западный фронт, образованный на базе Киевского особого военного округа 22 июня 1941 года, включал в себя войска четырех армий: 5-й, 6-й, 12-й и 26-й. И здесь, как, впрочем, и на других фронтах, не было завершено сосредоточение и развертывание. Напротив, в непосредственной близости от границ находилось 9 дивизий, а 6 располагались в 50

¹ Котел – территория с имеющимися на ней войсковыми соединениями, линия фронта вокруг которой замкнута противником, что означает полное окружение этих войск. Имеет происхождение от нем. *in den Kessel geraten* – попасть в окружение, а если буквально, то «попасть в котел». Знаменитая немецкая тактика «молниеносной войны» базировалась на многочисленных охватах в клещи, в результате которых в котлах различных размеров оказывались войсковые формирования вплоть до объединений. Это породило новое слово «окруженец», то есть человек, попавший или побывавший в окружении. Окружение же, *Einkesselung*, *Kessel*, по-немецки дало и русскую кальку – «котел».

—100-км полосе. Кроме того прибывали войска 16-й и 19-й армий, из состава которых к 22 июня сосредоточилось только 10 дивизий.

К слову сказать, даже не будучи полностью укомплектованными, советские войска значительно превосходили группировку противника, что ничуть не мешало пехоте вермахта за первые 20 дней пройти от границы более 200 километров. Уже 9 июля немецкие войска заняли город Житомир и стремительно продвигались вдоль Житомирского шоссе на столицу Украины – город Киев.

Но вернемся в первый день войны. Как фиксирует в своем труде В.А. Анфилов, «главный удар группа армий “Юг” под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта нанесла в направлении Соколь, Дубно. В отличие от других групп армий, при прорыве пограничных укреплений в первом эшелоне наступили пехотные соединения.

Генерал Клейст начал вводить в сражение танковые соединения около 10 часов утра, после того как пехота форсировала Западный Буг. Танковые дивизии, поддерживаемые бомбовыми ударами авиации, сломив сопротивление выдвигавшихся им навстречу наших стрелковых частей, устремились вперед. Как только об этом стало известно в штабе фронта, генерал Кирпонос приказал немедленно командующему 6-й армии генерал-лейтенанту И.Н. Музыченко нанести частями 4-го механизированного корпуса контрудар и совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации авиадесанта противника в Радзехове, уничтожить противника...

С целью подрыва узлов и линий связи, захвата мостов, аэродромов и других объектов, а также деморализации наших войск и дезорганизации тыла, противник на всех фронтах широко использовал с первых же часов войны парашютные и посадочные десанты численностью от 4–6 до 200–400 человек с мотоциклами, велосипедами, легким оружием и радиостанциями для связи и передачи разведывательных данных. Свыше десяти десантов было выброшено и посажено 22 июня только в полосе Юго-Западного фронта. Наиболее крупные из них были в районах Дубно, Ковеля, аэродрома Черновцы, северо-восточнее города Стрый.

В этой связи нельзя не указать на неправильное использование многочисленных танковых войск на Юго-Западном фронте в первый день войны. Вместо того, чтобы ликвидировать десанты силами пехоты, на уничтожение бросали танковые подразделения 22, 15 и 8-го мехкорпусов, а в некоторых случаях даже бомбардировочную и истребительную авиацию».

Печален и вывод доктора исторических наук: «Юго-Западный фронт имел достаточные силы сухопутных войск не только для того, чтобы восстановить положение, но и перенести боевые действия на вражескую территорию». И тем не менее этого не произошло...

В книге «Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь» можно найти данные и по Киевской стратегической оборонительной операции (7 июля – 26 сентября 1941 г.): «Проводилась войсками Юго-Западного фронта (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос) и частью сил Пинской военной флотилии (контр-адмирал Д.Д. Рогачев). В ходе боевых действий дополнительно были введены 21-я армия Центрального фронта, 6-я и 12-я армии Южного фронта, 37, 38 и 40-я армии, вновь созданные в составе Юго-Западного фронта, – всего двадцать восемь дивизий и четыре бригады. В рамках данной операции проведены: Коростеньская фронтовая оборонительная операция, оборонительная операция на подступах к Киеву, Уманская и Киевско-Прилукская фронтовые оборонительные операции.

Продолжительность – 82 суток. Ширина фронта боевых действий – 300 км. Глубина отхода советских войск – 600 км».

Говорится там и о составе войск противоборствующих сторон: «Основные силы немецко-фашистских войск, наступавшие на Киев, были из состава группы армий “Юг” (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт), это 1-я танковая группа (коман-

дующий генерал Э. Клейст), 6-я и 17-я армии. Всего почти полностью укомплектованных 40 дивизий, в числе которых 10 танковых и моторизованных.

С советской стороны оборонялись войска Юго-Западного фронта в составе: 5-й (командующий генерал-майор танковых войск М.И. Потапов), 6-й (командующий генерал-лейтенант И.Н. Музыченко), 12-й (командующий генерал-майор П.Г. Понеделин) и 26-й (командующий генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко) армий, которые в общей сложности имели 44 сильно ослабленные в боях дивизии. По своему составу противник превосходил советские войска в пехоте, артиллерии более чем в два раза, в самолетах – в 1,5 раза».

О самом ходе операции авторская группа Генерального штаба и Военно-мемориального центра ВС РФ рассказывает предельно лаконично: «По распоряжению Ставки ВГК наши войска 30 июня начали отход из Западной Украины к старой границе, где они должны были занять Коростеньский, Новоград-Волынский, Шепетовский, Староконстантиновский и Проскуровский укрепрайоны и организовать крепкую оборону.

7—8 июля танковые соединения противника прорвали оборону советских войск южнее Новоград-Волынского, захватили Бердичев, Житомир и 11 июля вышли к реке Ирпень (15—20 км западнее Киева). Здесь танки и мотопехота противника были остановлены советскими войсками на внешнем обводе Киевского укрепрайона. Попытка немцев захватить Киев с ходу не удалась. Тогда командование группы армий “Юг” решило повернуть большую часть войск 1-й танковой группы Клейста и 6-й полевой армии на Кировоград – в обход основной группировки войск Юго-Западного и Южного фронтов.

Советские войска оказывали упорное сопротивление. На северном участке фронта 5-я армия генерала М.И. Потапова, опираясь на Коростеньский укрепрайон, не только успешно отражала атаки дивизии 6-й немецкой армии, но сама наносила чувствительные контрудары, угрожая тылу 1-й танковой группы немцев.

Более месяца 5-я армия успешно противостояла противнику и только по приказу командования фронта оставила свои позиции.

Гораздо хуже складывалась обстановка в полосе наших 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта. Личный состав обеих армий участвовал в боях с начала войны и был крайне утомлен. Соединения и части несли большие потери, не хватало боеприпасов.

18 июля, опасаясь окружения, Ставка ВГК распорядилась их отвести. Выполняя решение об отходе на новые позиции, дивизии 6-й и 12-й армий начали продвигаться на восток, но большинство их тылов были отрезаны соединениями танковой группы Клейста. Вскоре положение войск 6-й и 12-й армий стало критическим.

24 июля по просьбе генерал-полковника М.П. Кирпоноса 6-я и 12-я армии были переданы в состав Южного фронта (командующий – генерал армии И.В. Тюленев).

26 июля прекратила свои атаки и 26-я армия, понесшая в предыдущих боях тяжелые потери.

2 августа немецкие клещи сомкнулись в районе Добрянки, в результате чего полностью замкнулось кольцо вокруг 6-й и 12-й армий. Советские части совершали отчаянные попытки прорваться на восток, но сделать это удалось немногим. В общей сложности из окружения вышло лишь 11 тыс. человек. Бои в котле под Уманью продолжались до 8—11 августа. <...>

К концу августа 1941 г. фронт временно стабилизировался на линии Днестра. Немецкому командованию не удалось с ходу ворваться в Киев. Огромную роль в обороне города сыграли сами киевляне. Свыше 200 тыс. горожан добровольно вступили в Красную армию, еще 160 тыс. ежедневно работали на строительстве оборонительных рубежей.

31 августа немецкой 17-й армии удалось захватить небольшой плацдарм на левом берегу Днестра в районе Кременчуга (в 260 км юго-восточнее Киева). В начале сентября туда была

переброшена вся немецкая 1-я танковая группа. В те же дни к северо-востоку от Киева противник занял два плацдарма на южном берегу Десны. Сложилась критическая обстановка, грозящая возможностью окружения всей группировки советских войск в районе Киева. Предвидя катастрофу, начальник генштаба РККА маршал Б.М. Шапошников и его заместитель А.М. Василевский предложили Сталину оставить Киев и отвести оборонявшие его войска на восточный берег Днепра, но Сталин делать это запретил.

14—15 сентября передовые части 1-й и 2-й танковых групп (Клейста и Гудериана) достигли городов Лубны и Лоховица, где соединились, замкнув кольцо вокруг 5-й, 26-й и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта. Это было крупнейшее с начала Великой Отечественной войны окружение советских войск.

Во вражеском кольце оказалось 452,7 тыс. человек. 20 сентября в бою недалеко от Лохвицы, при попытке прорваться из кольца, погибло, почти в полном составе, управление Юго-Западного фронта, в том числе генерал-полковник М.П. Кирпонос. <...>

Бои в котле продолжались до 26 сентября, а группы бойцов и командиров продолжали выходить из окружения до 2 октября».

2

С первых дней войны 6-я армия Юго-Западного фронта вела оборонительные бои в приграничном сражении северо-запада Львова. «Три стрелковые и одна кавалерийская дивизии девять суток отражали натиск 17-й полевой армии вермахта у государственной границы, — напишет В.И. Афанасенко в очерке о генерале Музыченко. — 1-я танковая группа барона Эвальда Клейста уже в первый день войны вбила клин на стыке с правым соседом, прорвалась на восток. 7 июля немецкие танки ворвались в Бердичев, за который неделю шли жестокие бои. В середине июля бронированные полчища Клейста повернули на юг, в тылы наших 6-й и 12-й армий. С 15 июля соединения двух армий сражались в условиях полуокружения, глубоко обойденные с обоих флангов. Отступая, обескровленные дивизии создали круговую оборону, в центре которой располагались органы управления и войсковые тылы, а также — десятки госпиталей и санитарных поездов с ранеными. Командующим 12-й армией был Павел Григорьевич Понеделин, в свое время обучавший Музыченко на Высших курсах усовершенствования комсостава.

В ежедневных боях произошло распределение усилий двух армий. Войска Понеделина, составляя ударную группу, в дневное время наступали на восток, вдоль линии железной дороги Калиновка — Христиновка — Умань, отесняя на десять — двенадцать километров танковые дивизии Клейста. Войска Музыченко днем вели арьергардные бои, сдерживая наседающего врага с севера, запада и юга, а ночью отходили на восток ровно настолько, насколько удавалось продвинуться ударной группе. Таким образом, не допускалось сужение территории, занимаемой окруженными войсками».

25 июля и 6-ю и 12-ю армии передали Южному фронту. На этот момент в армии генерала Музыченко были только три поредевших корпуса: два стрелковых и один механизированный. А ведь еще недавно их было целых пять: два стрелковых, два механизированных и один кавалерийский.

С 1 по 5 августа, когда дивизии танковой группы генерала Клейста вышли к Новоархангельскому, где соединились с 17-й полевой армией вермахта, вокруг лесного массива Зеленая Брама все, что осталось от двух армий, сковывали двадцать две дивизии противника, оттянув время для укрепления обороны по рубежу Днепра.

Тылы армии были выведены четырьмя колоннами еще 27—28 июля в Днепропетровск. Но только в ночь на 6 августа окруженные под Уманью тремя колоннами двинулись на прорыв, на юг...

Начальник разведотдела 6-й армии подполковник В. Новобранец свидетельствует: «Генерал Понеделин решение на прорыв принял в ночь с 4 на 5 августа. Прорыв наметили в ночь с 5 на 6 августа. Решили прорываться без артподготовки. А впереди вместо танков пустить тракторы и тягачи. Я узнал об этом решении вечером 5 августа. Будучи уверен, что это решение приведет нас к катастрофе, я побежал к командующему 6-й армией генералу Музыченко.

– Товарищ командующий, – говорю, – решение прорыва на юг – неправильное. На этом направлении мы из окружения не выйдем и все погибнем. Смотрите сюда. Смотрите на карту. Вот, в направлении на Первомайск находится самая сильная группировка немцев. Здесь уже танковая армия Клейста. Если даже мы прорвемся к Первомайску, то окажемся еще дальше от своих, завязнем в тылу немецких и румынских армий, и танки Клейста здесь нас уничтожат. Это самоубийство! О чем вы думали, когда принимали такое решение?

Музыченко лежал на кровати. С каким-то безразличием ко всему он выслушал меня и неторопливо сказал:

– Мы выполняем директиву Ставки. Войска сосредотачиваются к месту прорыва... Если изменим решение, нужно делать новую перегруппировку... а немцы в это время перейдут в атаку и сомнут нас. Кроме того, товарищ подполковник, я уже не командующий. Командующий всей группой – генерал Понеделин».

6 августа 1941 года генерал И.Н. Музыченко был тяжело ранен в левую ногу и захвачен в плен.

Начальник Разведотдела армии подполковник Новобранец в своих воспоминаниях напишет, как покидал свой штаб накануне прорыва генерал-лейтенант: «В штабе 6-й армии после контратаки уже никого из начальства не осталось. Командующий армией генерал Музыченко сел в танк и уехал в неизвестном направлении. Исчезли и оба члена Военного совета Грищук и Попов. Уехал на танке начальник штаба армии комбриг Иванов и начальник Оперативного отдела полковник Меандров. В общем, штаба не существовало».

О том, что будет потом, командующий 6-й армией не забудет никогда: «Помнил туманное сырое утро 6 августа 1941-го. Семь танков – две “тридцатьчетверки” и пять “бетушек”, облепленные бойцами и командирами, а внутри танков – командование 6-й армии – он, генерал-лейтенант Музыченко, член Военного совета дивизионный комиссар Попов, начальник штаба комбриг Иванов, командир 8-й танковой дивизии полковник Петр Фотченков, начальник штаба 10-й танковой дивизии подполковник Виктор Породенко... Танки с ходу форсировали речку Ятрань и ворвались в занятую немцами Емиловку. Немцы, очевидно, приняли колонну из семи танков за своих и спокойно получали завтрак у полевых кухонь. Емиловку пророскочили без потерь, а вот дальше... За селом, на развилке дорог, пять танков повернули налево, на Новоселки, а “тридцатьчетверка” командующего и замыкающий БТ – направо, на Голованевск, где, по сведениям трехсуточной давности, дралась 96-я горнострелковая дивизия соседней, 18-й армии. Уж е перед самым Голованевском по танкам градом ударили снаряды. Оглушенный генерал вылез через верхний люк и потерял сознание» (В.И. Афанасенко).

По воспоминанию В. Новобранца, начало прорыва из-за опоздания с перегруппировкой началось на полтора часа позже, в 2.30 6 августа. Вот что он пишет: «По сигналу красных ракет взревели тракторы и тягачи... и двинулись в атаку. Их было около сотни. Мужественные трактористы, подлинные герои, шли на верную гибель и первыми подставляли себя под огонь фашистов. Трактористы подняли такой треск, гул и лязг, что немцы перепугались мощного “танкового” удара и стали быстро отходить. Пехотные части без препятствий двинулись за тракторами и тягачами...

А что же танки? Неужели не было ни одного?

Были. Хотя и немного: в 6-й армии было пять танков командования. Это последние танки, вместо того чтобы принять участие в прорыве, в этот решающий момент увозили командование 6-й армии. Укатил в танке командующий генерал Музыченко, захватив моего помощника капитана Ободовского...»

МУЗЫЧЕНКО Иван Николаевич (10 сентября 1901 года). Русский. Генерал-лейтенант (1940). Родился в Ростове-на-Дону в семье матроса торгового флота. Окончил трехклассную школу и 2 класса Учительской семинарии. С 1913 года два года работал переплетчиком, затем два года грузчиком в Выборгском порту. Рядовым служил в Русской армии (1917).

В Красной армии с 1918 года. Окончил Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (1927).

В годы Гражданской войны в должности военкома снабжения бригады и комиссара кавалерийского полка (1921–1926) воевал против отрядов С.Н. Булак-Балаховича, А.С. Антонова, в Чечне и Дагестане (1918–1926). Пять раз был ранен: в голову, 3 раза в правую руку и 1 раз в спину.

После войны Музыченко командовал кавалерийским эскадроном, был помощником командира кавалерийского полка по хозяйственной части. С 1932-го – командир и комиссар кавалерийского полка, с 1937-го – командир кавалерийской дивизии, с 1938-го – преподаватель на Кавалерийских курсах усовершенствования комсостава РККА. В звании комбрига участвовал в советско-финской войне. Командовал 4-й стрелковой дивизией. 21 марта 1940 года ему было присвоено звание комдива. 4 июня 1940 года стал генерал-лейтенантом. В июне назначен на должность командира 6-го стрелкового корпуса, а в июле 1940-го – командующим войсками 6-й армии Киевского особого военного округа. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1940).

10-я танковая дивизия вступила в свой первый бой 23 июня 1941 года. Это был бой после марша, в районе Радзехува и Бродов, сразу против двух пехотных дивизий вермахта. 26 июня эта дивизия под командованием генерала Огурцова участвовала в контрударе механизированных корпусов Юго-Западного фронта. Понесла потери, в дальнейшем она прикрывала отход войск фронта. Примечательно, что, дважды попадая в окружение (у Бердичева и под Уманью), это соединение выходило из него...

Начальник разведотдела 6-й армии подполковник В. Новобранец о генерале Огурцове будет отзываться без всякого преувеличения только хорошо: «В 23.00 я со своей группой разведчиков прибыл на западную окраину Подвысокого к генералу Огурцову. Его части только что штыковой контратакой отбросили немцев и заняли позиции, утраченные днем. О генерале Огурцове я слышал много хороших отзывов еще раньше, первая моя встреча с ним подтвердила их.

Генерал Огурцов был человеком смелым, мужественным во всем значении этого слова. Солдаты его любили за простое и дружеское к ним отношение, за очень тонкое и умное понимание солдатских дум и настроений. В военном отношении Огурцов был высокообразованным человеком и талантливым командиром. Когда я доложил ему о решении командования, он схватился за голову:

– Что они делают? Я же говорил Музыченко, что нельзя рваться на юг. Мы только Тюленеву поможем отвести войска на восток, а сами погибнем. Где же это видано, чтобы две армии обеспечивали отход одной армии Тюленева?!»

В боевой характеристике на генерала Огурцова, подписанной командующим 6-й армией генерал-лейтенантом И.Н. Музыченко, говорится: «10-я танковая дивизия с первых дней войны ведет упорные бои с противником, нанося ему большие потери. Дивизия для выполнения боевых задач перебрасывалась на самые ответственные и опасные участки и с задачами справлялась. Под руководством тов. Огурцова дивизия имеет большие боевые подвиги. Сам лично тов. Огурцов проявлял на фронте мужество и бесстрашие».

О пленении генерала Огурцова в официальных источниках говорится следующее: «В начале августа армия была окружена противником в районе г. Умань. В ходе тяжелых боев часть войск прорвалась из окружения, остальные были захвачены в плен. Среди пленных был и командир дивизии генерал-майор С.Я. Огурцов».

ОГУРЦОВ Сергей Яковлевич (5 июля 1898 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940). Родился в селе Рождество Дорогобужского уезда Смоленской губернии в семье рабочего. После окончания сельской школы работал наемным чернорабочим на мануфактурной фабрике «Эмиль-Циндель» в Москве. В феврале 1917-го призван в Русскую армию. Службу проходил до декабря, младший унтер офицер. Участник Первой мировой войны на Западном фронте.

15 августа 1918 года вступил в Красную армию. Окончил Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава РККА в г. Новочеркасске (1927), академические курсы технического усовершенствования комсостава при Военно-технической академии РККА в Ленинграде (1931).

В годы Гражданской войны проходил службу сначала отделенным командиром Особого кавалерийского полка, затем командиром взвода, помощником командира и командиром эскадрона. Участвовал в боях с войсками генерала Деникина под Воронежем. С июня 1920-го – командир взвода, а затем командир эскадрона 35-го Егорлыкского кавалерийского полка в составе 6-й кавалерийской дивизии 1-й конной армии. Воевал с белополяками на Юго-Западном фронте, участвовал в боях на львовском направлении. После окончания войны с Польшей вместе с дивизией убыл на Южный фронт. Командиром эскадрона 32-го Белоглинского кавалерийского полка сражался с врангелевскими войсками под Армавиром и в Крыму, участвовал в ликвидации вооруженных формирований Махно на Украине.

После войны Огурцов продолжал командовать эскадроном в том же полку, в составе войск Западного фронта. В октябре 1924-го переведен в 36-й Новоград-Волынский кавалерийский полк, где исполнял должности начальника полковой школы и командира эскадрона. После окончания курсов службу продолжил в том же полку и в тех же должностях. В 1931 году назначен командиром дивизиона 7-го механизированного полка 7-й кавалерийской дивизии в Минске. С ноября 1932-го командовал батальоном в 4-й механизированной бригаде в Бобруйске, с июня 1935-го – 24-м механизированным полком 24-й кавалерийской дивизии в Лепеле. С февраля 1939-го – помощник командира по строевой части 24-й легко-танковой бригады в Новоград-Волынском. 16 февраля присвоено звание полковника. Участвовал в походе в Западную Украину. 7 января 1940-го назначен командиром 35-й танковой бригады Северо-Западного фронта, а в феврале – командиром 123-й стрелковой дивизии. Принимал участие в советско-финской войне. С апреля 1940 г. командовал 58-й стрелковой дивизией, а с июня – 10-й танковой дивизией. 5 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1928, 1940).

3

Войска 12-й армии под командованием генерала Понеделина с началом войны участвовали в приграничном сражении западнее города Станислав, вели ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами наступающего противника на винницком направлении. В книге «Комкоры» говорится: «На Юго-Западном фронте к 24 июня на ровенском направлении противник прорвал фронт обороны 5-й и 6-й армий и ввел для развития оперативного успеха свои подвижные войска (1-ю танковую группу и 6-ю армию), которые стали стремительно наступать в направлении Бердичев, Первомайск, в результате чего 8, 12, 18 и 9-я армия Южного фронта были окружены. В этих условиях П.Г. Понеделину ничего не оставалось делать как выводить войска армии из окружения в тяжелых условиях при пре-

восходстве немецко-фашистских войск. 2 августа значительная часть армии была окружена и в течение пяти суток вела тяжелые бои. Отдельные группы сражались до 13 августа, прорываясь на восток».

Подполковник В. Новобранец свидетельствует: «В Умани мы продержались всего неделю. Под давлением немцев 2 августа отошли в район Подвысокое. Вернее будет сказать, немцы прижали нас к реке Синюха, восточнее и юго-восточнее Умани. Сюда же немцы совершенно неожиданно для нас отбросили с юга 12-ю армию генерала Понеделина. В этот же котел пробились остатки некоторых других частей с юга и запада.

Всю эту массу разрозненных войск, примерно 45–50 тыс. человек, немцы окружили в районе Подвысокое – Покотилово – Копенковатъ – Новоархангельск – Тальное. Бои в полном окружении мы вели с начала августа.

Штаб 6-й армии размещался в Подвысоком, штаб 12-й – в Покотилово.

Свою последнюю разведывательную сводку я выпустил 3 августа. В ней устанавливалось, что против нас действует 17-я и 11-я немецкие армии и танковая армия Клейста (3, 14 и 48-й моторкорпуса). Это было почти втрое больше того, что имелось в усталых остатках 6-й и 12-й армий.

Первое время обе армии, оказавшиеся в одном котле, не имели даже единого командования. Только 5 августа было создано общее командование – всей группой окруженных войск стал командовать командующий 12-й армией генерал-майор Понеделин.

На основании анализа сложившейся обстановки генерал Понеделин решил прорываться на восток. Разведотделам обеих армий было приказано уточнить группировку немецких войск по обводу окружения и выявить наиболее слабые места в обороне противника.

Результаты разведки были неутешительные: везде было слишком большое превосходство противника. Все же в результате уточненных и проверенных данных мы заявили, что наиболее слабое место у немцев было в направлении на Новоархангельск. Переправа через речку Синюха в этом направлении была в наших руках. Был и соответствующий плацдарм на левом берегу для сосредоточения сил.

Прорываться нужно было на Новоархангельск.

Так думали разведотделы двух армий. Так подсказывал здравый смысл – через Новоархангельск мы находились ближе к своим главным силам, к “большой земле”.

Так думал и командующий генерал Понеделин. Но не так думали в Москве, в Кремле, в Ставке.

Москва подтвердила ранее отданную директиву прорываться на юг, на Первомайск. Понеделину ничего не оставалось делать, как принимать решение прорываться на Первомайск, несмотря на то, что Первомайск был уже давно занят противником.

В район Первомайска еще 3 августа вышли 17-я и 11-я немецкие армии, две румынские и танковая армия Клейста. Мы сами лезли в мешок окружения...»

При выходе из окружения генерал Понеделин был контужен и взят в плен.

ПОНЕДЕЛИН Павел Григорьевич (16 марта 1893 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Парниково ныне Юрьевецкого района Ивановской области в крестьянской семье. В Русской армии с 1914 года. Окончил 4-ю Московскую школу прапорщиков (1916), прапорщик, участник Первой мировой войны, командир батальона на Западном фронте.

В Красной армии с 1918 года. Окончил Военную академию им. Фрунзе (1926).

В годы Гражданской войны командиром полка и командиром бригады воевал на Восточном, Южном и Западном фронтах против войск Колчака, Деникина и белополяков.

После войны командовал бригадой, полком и дивизией. С октября 1927-го – преподаватель Академии им. Фрунзе, с апреля 1933-го – командир и комиссар стрелковой дивизии.

В феврале 1934-го назначен на должность начальника и военкома Ленинградского пехотного училища. В 1938 году присвоено звание комбрига. В советско-финскую войну командовал стрелковой дивизией. С июня 1940-го начальник штаба Ленинградского округа. В марте 1941 года назначен командующим 12-й армией Киевского округа. Награжден орденом Ленина (1940) и двумя орденами Красного Знамени (1922, 1923).

В начале войны 13-й стрелковый корпус 12-й армии Юго-Западного фронта под командованием генерала Кириллова участвовал в приграничном сражении западнее г. Станислав. «В ходе боевых действий, – сообщается в книге «Комкоры», – он проявил себя волевым, решительным командиром. Войска армии вели ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами наступающего противника на винницком направлении. В начале августа 1941 г. вследствие нанесения противником фланговых ударов и выхода его в район г. Первомайск части корпуса и значительная часть других соединений армии были окружены южнее г. Умань и в этих условиях в течение 5 суток вели тяжелые оборонительные бои. В ходе этих боев генерал-майор Н.К. Кириллов 10 августа 1941 г. был пленен...»

КИРИЛЛОВ Николай Кузьмич (30 ноября 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в Саратове. В Русской армии с мая 1916 года. Окончил Оренбургскую школу прапорщиков (1917). Участник Первой мировой войны, прапорщик, командир взвода, выборный командир роты батальона.

В Красной армии с февраля 1920 года. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» (1929), заочно 2 курса Военной академии РККА им. Фрунзе (1932).

В годы Гражданской войны после демобилизации из армии учился в строительном техникуме, работал на заводе. С февраля 1920-го исполнял должность для поручений Управления санитарных частей Кавказского фронта. С июня 1921-го – командир роты всеобуча Саратовского губернского военкомата, с мая 1922-го – командир взвода 4-го стрелкового полка 2-й бригады. В июне того же года назначен помощником командира роты 94-го стрелкового полка, затем командиром роты, начальником дивизионной школы, начальником штаба и командиром 97-го стрелкового полка. В 1932 году отозван из Военно-воздушной академии им. Жуковского и назначен инспектором 15-й авиабригады. С марта 1933-го – командир 50-го стрелкового полка, с января 1937-го – начальник штаба, затем командир 19-й стрелковой дивизии, с февраля 1938-го – командир 13-го стрелкового корпуса. Звание генерал-майора присвоено 5 июня 1940 года. Награжден орденом Красного Знамени (1938).

4

В начале войны 49-й стрелковый корпус под командованием генерала Корнилова участвовал в приграничном сражении. Как сообщается в официальных источниках, «в июле – августе 1941 г. в составе 6-й армии Юго-Западного, затем Южного фронтов вел боевые действия в районе городов Бердичев, Богуслав. 10 августа генерал-майор И.А. Корнилов, будучи раненым, был взят в плен...»

По данным Ф.Д. Свердлова, «в течение месяца Корнилов пытался вывести свои части на восток, но в одном из боев получил тяжелое ранение в грудь и был оставлен своими товарищами в одной из деревень, где Корнилова 7 сентября 1941 года взяли в плен немецкие подразделения».

КОРНИЛОВ Иван Алексеевич (14 сентября 1899 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в селе Свотиново ныне Костромского района Костромской области в семье пекаря. После окончания четырехклассной сельской школы работал пекарем и чернорабочим. В 1917 году был призван в Русскую армию, участник Первой мировой войны, был ранен, унтер-офицер.

В Красной армии с ноября 1918 года. Окончил Костромские пехотные командные курсы (1919), Высшую тактико-стрелковую школу комсостава РККА им. III Коминтерна (1921 и 1924), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (1941).

В годы Гражданской войны воевал на Юго-Западном фронте, учился на пехотных курсах, командовал пехотным взводом 1-го Троицкого пехотного полка.

С декабря 1921-го, после окончания Высшей тактико-стрелковой школы, командовал ротой караульного батальона, с января 1923-го – помощник командира батальона Частей особого назначения, с июля – командир отделения Жмеринской роты ЧОН. С августа 1924-го – командир роты и начальник полковой школы 288-го стрелкового полка 96-й стрелковой дивизии. В марте 1930 года Корнилов назначен начальником штаба 287-го стрелкового полка. В декабре 1932 года – командир 131-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии. С мая 1939 года – помощник командира 46-й стрелковой дивизии, а с июля – командир этой дивизии. В марте 1941-го Корнилов назначен командиром 49-го стрелкового корпуса. Награжден орденами Ленина (1941) и Красной Звезды (1936).

В начале войны 8-й стрелковый корпус под командованием генерала Снегова в составе 26-й армии Юго-Западного фронта вел бои против соединений 17-й армии вермахта. Как говорится в официальных источниках, «именно соединения 8-го корпуса (99-я стрелковая дивизия и часть сил 72-й стрелковой дивизии) освободили первый советский город от немецко-фашистских захватчиков – г. Перемышль (23 июня) и удерживали его несколько дней. Затем 25–27 июня 1941 г. корпус участвовал в нанесении фронтового контрудара в районе г. Броды. До конца июня части корпуса под командованием генерал-майора М.Г. Снегова успешно отбивали все попытки противника форсировать р. Сан, затем в июле они отходили по приказу командующего войсками фронта в направлении городов Золочев, Тернополь, Винница. Трижды корпус прорывал кольцо окружения противника в районах городов Перемышль, Львов, Проскуров. Остатки корпуса в составе 12-й армии отошли к г. Умань. За умелое руководство частями корпуса в этих боях М.Г. Снегов был награжден орденом Красного Знамени. Однако 2 августа противник в районе г. Первомайск Одесской области окружил значительную часть войск армии. В ночь на 7 августа 1941 г. при попытке вырваться из окружения генерал-майор М.Г. Снегов был тяжело ранен и попал в плен».

СНЕГОВ Михаил Георгиевич (12 ноября 1896 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Мордвиново ныне Можайского района Московской области в крестьянской семье. После окончания гимназии в 1914 году был призван в Русскую армию. Окончил учебную команду артиллерийского дивизиона при 85-м запасном полку в Москве (1915) и Алексеевское военное училище (1916). Участник Первой мировой войны, поручик. Занимал должности: командира роты, обер-офицера для поручений и старшего адъютанта штаба дивизии, исполняющего обязанности инспектора административной части.

В марте 1918 года вступил в Красную армию. В составе 4-го Московского революционного советского пехотного полка в должности помощника начальника команды конных разведчиков и командира роты участвовал в разоружении отряда анархистов в Москве. В июне командовал сводным отрядом полка при подавлении антисоветских выступлений в Москве и Ярославле. С октября 1918-го воевал в составе Особой Московской бригады Южного участка отрядов завесы, которая участвовала в боях с белоказаками генерала Краснова в районах Новохоперска, Поворино, в обороне Царицына, на должности командира роты, помощника начальника штаба бригады. В должности начальника штаба бригады (дивизии) участвовал в боях с войсками генерала Деникина, белоказаками генерала Мамонтова на Кубани, подавлял контрреволюционные мятежи в районе Владикавказа и Моздока. В августе – сентябре 1920 года участвовал в разгроме врангелевского десанта под командованием генерала Улагая, затем боролся с вооруженными формированиями в Кубанских плавнях, а в начале 1921-го разоружал бандформирования в Дагестане.

После войны Снегов был назначен начальником штаба сначала 19-й стрелковой дивизии (сентябрь 1922), а затем 10-го стрелкового корпуса (октябрь 1924) в Московском округе. С августа 1926 года по декабрь 1927 года находился в специальной командировке в Китае. По возвращении назначен начальником 2-го (организационного) отдела Финансово-планового управления снабжения РККА. К 10-летию революции награжден пистолетом «Маузер». С декабря 1929-го проходил службу в Техническом штабе начальника вооружений РККА. Занимал должности: начальника 5-го отдела, начальника 4-го сектора (ноябрь 1930) и одновременно старшего инспектора штаба, начальника войсковой инспекции (февраль 1932). В июле 1932 года Снегов назначен начальником штаба Главного артиллерийского управления РККА, а в феврале 1933-го – начальником 1-го отдела и одновременно – помощником секретаря РВС СССР. С марта 1935-го – заместитель начальника Управления делами при НКО СССР, с марта 1937-го – командир 90-й стрелковой дивизии, с ноября – начальник Управления делами при НКО СССР. В октябре 1939 года он назначен начальником Главного управления Красной армии, а в августе 1940 года – командиром 8-го стрелкового корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1941).

22 июня 1941 года 72-я горнострелковая дивизия отражала атаки немцев на Львовском выступе по реке Сан. Только 24-го числа, когда фронт в стыке между 6-й и 26-й армиями был прорван и возникла угроза для их флангов, командующий Юго-Западным фронтом приказал отвести дивизию. После нескольких дней отдыха 72-я горнострелковая дивизия снова занимает оборону на указанном ей рубеже, а затем отходит с тяжелейшими боями, то сменяя части мотострелков, то перегруппировываясь, то снова обороняясь... Дивизия была уничтожена немцами в ходе ликвидации Уманского котла. 8 августа ее командир генерал Абрамидзе попал в плен.

АБРАМИДЗЕ Павел Ивлианович (19 марта 1901 года). Грузин. Генерал-майор (1940).

Родился в селе Ваны Кутаисской губернии в крестьянской семье. В 1915 году окончил сельскую школу и до 1917 года работал рабочим в Баку, а затем в отцовском крестьянском хозяйстве.

В 1923 году был призван в Красную армию. Окончил объединенную военную школу в Тбилиси. С 1926 по 1934 год командовал различными стрелковыми подразделениями.

В 1930 году у Абрамидзе окончил курсы усовершенствования комсостава Закавказского военного округа. В 1934–1939 годах командовал стрелковым полком, с 1939 года – стрелковой дивизией. 5 ноября 1938 года ему было присвоено звание полковника, 4 ноября 1939 года – комбрига, 4 июня 1940 года – генерал-майора. В должности командира 130-й стрелковой дивизии принимал участие в советско-финской войне.

8 августа 1940 года назначен на должность командира 72-й горно-стрелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени (1940).

22 июня 1941 года 80-я стрелковая дивизия имени Пролетариата Донбасса вместе с частями 49-го стрелкового корпуса была брошена на уничтожение парашютных десантов противника под Тернополем. А затем были многодневные изнуряющие июльские бои 41-го. Примечательно, но и 2 августа 80-я дивизия считалась наиболее боеспособным соединением в 6-й армии Южного фронта. Известно, что на следующий день она пыталась пробиться к переправам через Ятрань у Покотилова и Лебединки, но вырваться из кольца ей так и не удалось. Командир дивизии генерал Прохоров 15 августа 1941 года в этих боях был ранен и попал в плен.

ПРОХОРОВ Василий Иванович (1900). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в слободе Хмелевка, на окраине Васильсурска Нижегородской губернии в крестьянской семье. Окончил 3 класса сельской школы.

В 1919 году вступил в Красную армию. После окончания пехотной школы (1920) участвовал в Гражданской войне: на Южном фронте был командиром взвода и роты. В 1921 году

воевал в Монголии. В последующие годы командовал стрелковыми подразделениями. В 1932–1934 годах был помощником командира полка. В 1937 году, после окончания Военной академии им. Фрунзе, был назначен на должность заместителя начальника отдела Оперативного управления Генерального штаба. В начале 1939 года стал помощником командира 80-й стрелковой дивизии, а в августе – командиром этой дивизии. Участник советско-финской войны. Звание полковника присвоено 27 сентября 1937 года, а звание комбрига – 4 ноября 1939 года. 4 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1940).

22 июня 44-я горнострелковая дивизия в составе 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Юго-Западного фронта была поднята по тревоге и заняла оборону в районе Тухли. А потом начался отход с боями на восток. Еще 15 июля 1941-го в строю соединения числилось более 10 тысяч человек, а уже в августе оно было уничтожено под Уманью. Командир дивизии генерал Ткаченко 7 августа при прорыве из окружения был ранен в голову и правую руку, но продолжал командовать своими частями. Его захватили в плен, когда он выходил из кольца в составе группы управления дивизии. Было это в районе Голованевска.

ТКАЧЕНКО Семен Акимович (24 мая 1898 года). Украинец. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Плахтеевка Тарамского района Днепропетровской области в семье бедного крестьянина. Работал с малых лет, пас скотину, батрачил. За лучшей долей семья переселилась в деревню Николаевка Кротовской волости Тобольской губернии.

В 1919 году вступил в Красную армию. В годы Гражданской войны проходил службу красноармейцем в 51-й стрелковой дивизии. Воевал на Восточном фронте против войск Колчака. Летом 1920-го на Южном фронте участвовал в боях против армии Врангеля сначала рядовым красноармейцем, а затем на должностях начальствующего состава. В ноябре 1920 года назначен командиром взвода 2-й роты 452-го стрелкового полка, а за проявленное мужество награжден орденом Боевого Красного Знамени.

После войны Ткаченко был направлен учиться на Одесские пехотные командные курсы (1921). В составе 51-й Перекопской стрелковой дивизии занимал различные командные должности от командира взвода до командира батальона. В 1921 году в Тирасполе, где дислоцировался 152-й стрелковый полк 51-й Перекопской стрелковой дивизии, вновь отличился в борьбе с бандформированиями, за что был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени. В 1927 году окончил Киевскую высшую объединенную школу командиров РККА имени С.С. Каменева. В ноябре 1929 года назначен командиром батальона 137-го Киевского стрелкового полка 46-й стрелковой дивизии. После окончания Академии им. Фрунзе (1934) назначается помощником командира по строевой части 79-го стрелкового полка 27-й Омской Краснознаменной стрелковой дивизии им. Итальянского пролетариата. В декабре 1935-го он уже командир и военком 79-го стрелкового полка.

В январе 1937 года майора Ткаченко освобождают от занимаемой должности и зачисляют в распоряжение Управления по начальствующему составу РККА, а уже в марте 1937-го назначают помощником командира по строевой части 53-го стрелкового полка 18-й Ярославской Краснознаменной стрелковой дивизии. В июне 1938 года Ткаченко – помощник командира 31-й Сталинградской стрелковой дивизии в Астрахани, в августе 1939 года – командир 28-й Горской Краснознаменной горнострелковой дивизии. В январе 1940 года назначен командиром 44-й Киевской Краснознаменной стрелковой дивизии. Участник советско-финской войны. Звание полковника присвоено 16 августа 1938 года. Звание комбрига – 29 апреля 1940 года. Звание генерал-майора – 4 июня 1940 года. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1929, 1921) и был представлен к ордену Ленина за успехи дивизии в боях под г. Липовец.

5

«С начала Великой Отечественной войны 5-я армия под командованием генерал-майора М.И. Потапова, входя в состав Юго-Западного фронта, участвовала в приграничном сражении, вела оборонительные бои на государственной границе южнее г. Брест, затем в районах гг. Ковель, Дубно, Ровно, Житомир, – говорится в книге «Командармы». – В последующем армия упорно оборонялась на позициях Коростеньского УР, с июля участвовала в Киевской оборонительной операции, сражаясь с превосходящими силами противника на киевском направлении. В этих боях войска армии понесли тяжелые потери и значительная часть из них попала в окружение. При выходе из окружения М.И. Потапов попал в плен...»

Здесь следует лишь добавить, что 5-я армия под командованием генерала Потапова, находясь на стыке немецких групп армий, все первые месяцы войны представляла реальную угрозу немецким войскам из группы армий «Центр» и «Юг». Сам генерал-майор танковых войск Потапов показал себя весьма умелым военачальником, способным быстро перегруппировать войска для внезапного удара, выстроить стойкую оборону и умело нанести контрудар. В свои последние часы перед пленом Потапов сражался врукопашную, но был тяжело ранен осколком снаряда и потерял сознание.

ПОТАПОВ Михаил Иванович (3 октября 1902 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940).

В Красной армии с 1920 года. Окончил командные кавалерийские курсы (1922), химические курсы усовершенствования командного состава (1925), Военную академию механизации и моторизации РККА (1936).

С 1921 года Потапов – командир отделения, взвода, эскадрона. С 1925-го – начальник химической службы полка, начальник полковой школы, с 1930-го – временно исполняющий должность начальника штаба кавалерийского полка. В июле 1937 года назначен командиром механизированного полка, а в 1939-м – командиром танковой бригады. С июня этого же года – заместитель командующего 1-й армейской группой, успешно участвовавшей в боях в районе р. Халхин-Гол. В июне 1940 года назначен командиром 4-го механизированного корпуса, а в январе 1941-го – командующим 5-й армией Киевского округа. Звание генерал-майора танковых войск присвоено 4 июня 1940 года. Награжден орденом Красного Знамени (1939).

Такая же участь постигла и начальника артиллерии 5-й армии. В начале сентября 1941 года при попытке выйти из окружения генерал Сотенский, будучи раненым, попал в плен.

СОТЕНСКИЙ Владимир Иванович (1899). Русский. Генерал-майор артиллерии (1940).

Родился в Ташкенте в семье полковника Русской армии. Окончил кадетский корпус (1916) и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны, подпоручик.

В феврале 1918 года вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны на Туркестанском фронте.

До 1925 года Сотенский – командир взвода и батареи. В 1926-м окончил курсы усовершенствования комсостава артиллерии и до 1932 года преподавал на них. Затем до 1935 года занимал должность начальника отдела в инспекции артиллерии РККА. В 1935 году он окончил вечерний факультет Военной академии им. Фрунзе и до 1938 года командовал артиллерийским полком. В 1938–1940 годах занимал должность начальника отдела в управлении начальника артиллерии Киевского особого военного округа.

В 1940 году назначен на должность начальника артиллерии 5-й армии Киевского особого военного округа. 4 июня

1940 года ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии.

18-я армия, сформированная на базе управления Харьковского военного округа и войск Киевского округа в июне

1941 года, в состав Южного фронта вошла 25 июня. Свои первые оборонительные бои она вела на границе с Румынией, а в августе – на юге Правобережной Украины. В боевом донесении командующего войсками Южного фронта от 1 августа говорится: «18 А группой генерала Гольцева и полком охраны во взаимодействии частями Музыченко наносит удар на Ладыжинка». Известно, что в группу генерала Гольцева, начальника автобронетанковых войск 18-й армии, входили остатки 47-й танковой дивизии, 218-й мотодивизии, 145-го танкового полка и 727-го артиллерийского полка. К середине месяца немецко-румынские подвижные части прорвали оборону армии и начали наступление, угрожая выходом на тылы фронта. В ночь на 14 августа генерал Тюленев отдал приказ на уничтожение прорвавшегося в район Николаева противника, а 15-го генерал Гольцев попал в плен.

ГОЛЬЦЕВ Николай Дмитриевич (декабрь 1897 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940).

Родился в Москве в семье рабочего-ткача. Окончил городское училище в 1912 году. До военной службы работал конторщиком. В октябре 1915 года призван в Русскую армию. Участник Первой мировой войны. Воевал на Западном фронте. В 1916 году окончил учебную команду, старший унтер-офицер 55-го пехотного полка.

В Красную армию вступил в марте 1918 года. Участник Гражданской войны. Воевал на Восточном и Туркестанском фронтах: курсант 1-х Московских военно-инструкторских курсов, командир взвода и роты, комендант 2-го Симбирского стрелкового полка, начальник хозяйственной команды 208-го Симбирского стрелкового полка, заведующий разведкой, командир роты 7-го Туркестанского стрелкового полка. Был трижды ранен и контужен. В ноябре 1921 года руководил обороной города Душанбе во время мятежа Данияр-бека. Проявил личную храбрость, с группой бойцов освободив арестованных мятежниками товарищей. Отстоял город, за что был награжден Золотым оружием. В декабре 1922 года возглавил оборону города Куляб.

В 1924–1932 годах Гольцев командовал батальоном, учился на Ленинградских бронетанковых курсах. С 1933-го – начальник сектора управления бронетанковыми войсками в штабе Уральского военного округа, затем командир 14-го механизированного полка 14-й кавалерийской дивизии Киевского военного округа. Затем командовал автобронетанковыми войсками 8-го стрелкового корпуса и Житомирской армейской группы. В должности начальника автобронетанковых войск 5-й армии участвовал в походе Красной армии на Западную Украину (1939). В 1940 году назначен начальником автобронетанкового управления Прибалтийского особого военного округа. 4 июня ему присвоено звание генерал-майора танковых войск. В 1941 году назначен начальником автобронетанковых войск 18-й армии. Награжден орденами Красного Знамени (1920) и Красной Звезды (Бухарской НСР) 1-й степени (1923).

6-й стрелковый корпус 6-й армии Юго-Западного фронта вступил в бой в первый день войны. Одна из его дивизий (41-я) заняла Рава-Русский укрепленный район, сумев не только приостановить наступление противника, но и, отбросив его, войти на территорию, оккупированную Германией. Однако в дальнейшем под натиском врага соединения корпуса были вынуждены оставлять позиции. 28 июня 1941 года начальник штаба генерал Рихтер при прорыве немецких танков к штабу корпуса был взят в плен.

РИХТЕР Борис Стефанович (1898). Русский немец. Генерал-майор (1940).

Родился в городе Жмеринка (Украина) в семье потомственного дворянина, инженера путей сообщения. Экстерном окончил 6 классов и Александровское военное училище в Москве (1916). Участник Первой мировой войны, поручик, начальник пулеметной роты.

В июне 1918 года вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. До 1926 года командовал различными пулеметными подразделениями. В 1929 году окончил Воен-

ную академию им. Фрунзе. До 1932 года служил заместителем начальника и начальником оперативного отдела штаба стрелковой дивизии Украинского военного округа, затем был назначен начальником штаба дивизии. С 1935 по 1936 год Рихтер командовал стрелковым полком. В 1938 году после окончания Военной академии Генерального штаба был назначен начальником факультета в Военно-химической академии. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора, а 15 июля 1940 года он был назначен начальником штаба 6-го стрелкового корпуса Киевского особого военного округа. Награжден орденом Красного Знамени (1923).

Когда началась война, командир 6-го стрелкового корпуса генерал Алексеев боевыми действиями не руководил, так как находился в госпитале по болезни в Харькове. В официальных источниках о нем говорится следующее: «После выздоровления с 15 по 18 сентября командовал Лубненской оперативной группой Юго-Западного фронта. “Командуя Лубненской оперативной группой, – писал в своей автобиографии в декабре 1952 г. генерал-майор И.И. Алексеев, – с 18 сентября по 1 октября 1941 г. находился в окружении немецких войск в районе г. Лубны. При выходе из окружения попал в плен (переодетый в гражданский костюм)”...»

АЛЕКСЕЕВ Иван Иванович (6 января 1896 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Ретюн Санкт-Петербургской губернии. В Русской армии с 1915 года. Участник Первой мировой войны, подпоручик.

В Красной армии с 1919 года. Окончил Владимирское военное училище в Петрограде (1915), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1927), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Высшей военной академии им. Ворошилова (1941).

В годы Гражданской войны проходил службу командиром роты в 1-м армейском запасном полку, затем в армейской школе младшего комсостава при этом же полку. С августа 1919-го – командир роты и батальона в 47-м стрелковом полку 6-й стрелковой дивизии на Северо-Западном и Западном фронтах. Участвовал в боях против войск генерала Юденича и белополяков. Был ранен.

После войны Алексеев продолжал свою службу в том же полку командиром батальона и помощником командира полка. В октябре 1921-го он – командир 53-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии в Белгороде. С августа 1922-го – помощник командира 17-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии. После окончания курсов «Выстрел» командует стрелковым полком. С января 1934-го – помощник командира 18-й стрелковой дивизии в Ярославле, а с февраля – исполняющий должность командира этой дивизии. В 1934 году назначен начальником Свердловского пехотного училища, а летом 1940-го – командиром 6-го стрелкового корпуса. 16 августа 1938 года присвоено звание комбрига, а 4 июня 1940 года – звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1938).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.